

Заколдованная жизнь.

(Разсказанная гусинымъ перомъ).

В в е д е н і е.

Была темная холодная ночь въ сентябрѣ 1884 года. Тяжелый мракъ спустился надъ улицами маленькаго городка на Рейнѣ и повисъ подобно черному погребальному покрову надъ скучнымъ фабричнымъ мѣстечкомъ. Большая часть его обитателей, изнуренныхъ дневнымъ трудомъ, давно уже удалилась на покой.

Все было тихо въ большомъ домѣ; на опустѣлыхъ улицахъ царил тишина.

Я тоже лежала въ постели; но увы, не для отдыха, а пригвожденная на нѣсколько дней страданіемъ и болѣзнью. Такъ тихо было въ домѣ, что, по выраженію Лонгфелло, тишину эту можно было почти слышать. Я могла ясно разобрать движеніе своей крови, какъ она стремительно пробѣгала по моему больному тѣлу, производя то монотонное пѣніе, которое хорошо знакомо страдающему отъ бессонницы. Я прислушивалась къ этому пѣнію, пока оно не перешло въ моемъ воображеніи въ шумъ водопада, въ паденіе могучихъ водныхъ потоковъ... Какъ вдругъ, измѣняя внезапно свой характеръ, „пѣніе“ перешло въ другіе, болѣе пріятные звуки. Это былъ тихій, вначалѣ едва слышный, шопотъ человеческого голоса. Онъ приближался и, постепенно усиливаясь, говорилъ въ

самое мое ухо. Такъ звучить голосъ, проносясь по неподвижному голубому озеру въ одномъ изъ тѣхъ удивительныхъ акустическихъ проходовъ среди снѣговыхъ горъ, гдѣ воздухъ такъ чистъ, что произнесенное за полмили слово кажется прозвучавшимъ вотъ здѣсь, у самаго вашего уха. Да, это былъ голосъ того, къ кому нельзя было относиться безъ глубокаго почитанія; голосъ, съ которымъ для меня были соединены глубокія мистическія воспоминанія; голосъ, всегда для меня желанный въ теченіе многихъ лѣтъ и особенно желанный въ часы душевныхъ и физическихъ страданій, ибо онъ всегда приносилъ съ собой лучъ надежды и утѣшенія. „Бодрисъ“... прошепталъ онъ мягкимъ ласкающимъ звукомъ. „Думай о дняхъ, проведенныхъ въ свѣтломъ общеніи; думай о великихъ истинахъ, подслушанныхъ у природы, и о многочисленныхъ человѣческихъ заблужденіяхъ относительно этихъ истинъ, и попробуй прибавить къ нимъ новый опытъ. Пусть разсказъ о странной и интересной жизни наполнить эту ночь и поможетъ сократить часы твоихъ страданій... Вниманіе! Смотри туда передъ собою!“

„Туда“ означало большія свѣтлыя окна пустого дома по ту сторону узкой улицы нѣмецкаго городка. Они выходили какъ разъ противъ окна, передъ которымъ стояла моя кровать. Послушная приказанію, я устремила глаза по указанному направленію, и то, что я увидѣла тамъ, заставило меня на время позабыть страшную боль, которая терзала мою распухшую руку и мое ревматическое тѣло..

Надъ окнами ползъ туманъ; густой, тяжелый, извивающійся, бѣловатый туманъ, похожій на огромную тѣнь гигантской змѣи, медленно развертывающей свои кольца.

Постепенно туманъ блѣднѣлъ, исчезалъ, и за нимъ показался блестящій свѣтъ, нѣжный и серебристый, словно на поверхности оконъ отразились тысячи лунныхъ лучей съ тропическаго неба—сперва снаружи дома, а затѣмъ и внутри, наполняя пустыя комнаты. Далѣе я увидала тотъ же туманъ, удлинившійся и перекинувшійся въ видѣ воздушнаго моста отъ заколдованнаго окна на мой балконъ, а затѣмъ и на мою собственную постель. Пока я продолжала глядѣть, окна, стѣны и самый домъ внезапно исчезли. На мѣстѣ, гдѣ были пустыя комнаты, я увидѣла внутренность иной небольшой комнаты, которую я признала за швейцарское шалэ—рабочій кабинетъ, старыя, темныя стѣны, покрытыя отъ пола до потолка книжными полками, на которыхъ виднѣлось много древнихъ фоліантовъ. Посреди комнаты стоялъ старомодный столъ, заваленный манускриптами и письменными принадлежностями. Передъ нимъ, съ гусинымъ перомъ въ рукѣ, сидѣлъ старый человѣкъ, мрачный, худой какъ скелетъ, съ лицомъ до того тонкимъ, блѣднымъ и пергаментнымъ, что свѣтъ одинокой лампы от-

ражался двумя яркими точками на его выдающихся скулахъ, словно онѣ были выточены изъ слоновой кости.

Когда я осторожно приподнялась на подушкахъ, чтобы хорошенько разглядѣть его, все, и шалэ, и рабочій кабинетъ, и полки, и книги, и самъ пишуцій заколебались и начали двигаться. Медленно начали они приближаться ближе и ближе, безшумно скользя по облачному мосту, перекинутому черезъ улицу, проплыли сквозь закрытое окно моей комнаты и подъ конецъ остановились у самой моей постели.

„Прислушайся къ тому, что онѣ думаетъ и что собирается писать“, услышала я успокоительные звуки того же знакомаго, издали звучащаго, голоса. „Ты услышишь рассказъ, который сократитъ для тебя длинную бессонную ночь и заставитъ на время забыть твои страданія.... Попытайся!“

Я пыталась исполнить, что было мнѣ велѣно. Я сосредоточила все мое вниманіе на одинокой пишущей фигурѣ, которую видѣла передъ собой, сама оставаясь для нея невидимой. Въ началѣ скрипъ гусиного пера, которымъ старый человѣкъ писалъ, не передавалъ ничего, кромѣ тихаго, шепчущаго звука, который трудно описать. Затѣмъ, до моего слуха начали постепенно доноситься неясныя слова слабаго, отдаленнаго голоса, и мнѣ казалось, что наклоненная надъ манускриптомъ фигура читала свою повѣсть вслухъ, вмѣсто того, чтобы писать ее. Но вскорѣ я убѣдилась въ своей ошибкѣ. Взглянувъ на стараго человѣка, я увидѣла, что губы его крѣпко сжаты и неподвижны, голосъ же былъ слишкомъ тонкій, чтобы быть его голосомъ. Еще удивительнѣе, что при каждомъ словѣ, написанномъ его слабой старой рукой, я видѣла свѣтъ, сверкающій изъ-подъ его пера, большія разноцвѣтныя искры, которыя немедленно превращались въ звукъ. Это и былъ маленькій голосъ гусиного пера, его-то я и слышала, хотя и пишуцій, и перо могли быть за сотни миль отъ Германіи. Такія вещи случаются иногда въ особенности по ночамъ, „подъ звѣзднымъ пологомъ которыхъ мы познаемъ, какъ выразился Байронъ, языкъ иныхъ міровъ“...

Какъ бы то ни было, слова, произнесенныя гусинымъ перомъ, остались надолго въ моей памяти. Да мнѣ и не трудно было возстановить ихъ; стоило мнѣ присѣсть съ мыслью записать ихъ, какъ вся исторія, неизгладимо запечатлѣнная на астральныхъ таблицахъ, начала въ послѣдовательныхъ картинахъ проходить передъ моимъ внутреннимъ взоромъ. Такъ всегда бываетъ со мной, и мнѣ остается только переписывать то, что я вижу передъ собой. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось узнать имени моего ночного гостя. Несмотря на это, я надѣюсь, что читатель найдетъ записанную мной исторію не безъинтересной для себя.

Исторія незнакомца.

Мѣсто моего рожденія—маленькая горная деревушка, горсть швейцарскихъ коттеджей, брошенныхъ въ солнечномъ уголкѣ, между двумя разрушенными глетчерами, надъ которыми поднимается покрытая вѣчными снѣгами вершина. Туда, тридцать семь лѣтъ назадъ, я возвратился искалѣченнымъ физически и нравственно, надѣясь умереть; но чистый живительный воздухъ моей родины рѣшилъ иначе. Я все еще живъ; можетъ быть, чтобы свидѣтельствовать о фактахъ, которые я глубоко скрывалъ отъ всѣхъ, рассказать ужасную повѣсть, которую я предпочелъ бы скрыть навѣки.

Многіе будутъ склонны разсматривать всѣ эти событія съ точки зрѣнія высшаго Промысла; но я никогда не вѣрилъ въ Провидѣніе, и все же я не могу приписать ихъ простой случайности. Я связываю эти событія съ одной основной причиной, отъ которой произошло все послѣдующее. Слабымъ, старымъ человѣкомъ сталъ я нынѣ, но физическая слабость не подорвала моихъ умственныхъ способностей. Я вспоминаю мельчайшія подробности той страшной причины, которая породила такіе роковые результаты. Они то и убѣждаютъ меня въ дѣйствительномъ существованіи того, кого я желалъ бы—и какъ страстно желалъ!—считать созданиемъ своей фантазіи, преходящей тѣнью горячечнаго страшнаго сна! О это ужасное, кроткое и всепрощающее, это праведное и таинственное существо! Именно этотъ образецъ всѣхъ добродѣтелей и отравилъ такъ жестоко всю мою жизнь. Это онъ выбилъ меня съ такой силой изъ безопасной колеи моей прежней жизни, это онъ внушилъ мнѣ увѣренность въ потусторонней жизни, прибавивъ этимъ еще одинъ лишній ужасъ къ безъ того уже погубленному существованію...

Чтобы выяснитъ положеніе вещей, я долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ. О, какъ желалъ бы я изгладить всякое воспоминаніе объ этомъ ненавистномъ *себѣ!*

Рожденный въ Швейцаріи отъ французскихъ родителей, которые видѣли всю міровую мудрость въ литературной троицѣ Вольтеръ-Руссо-Гольдбахъ, и воспитанный въ германскомъ университетѣ, я выросъ полнѣйшимъ атеистомъ. Я не могъ себѣ даже представить что бы то ни было, а тѣмъ болѣе единое Существо,—поверхъ или внѣ видимой природы, отличное отъ нея. Поэтому я считалъ все, неспособное пройти черезъ точный анализъ физическихъ чувствъ, чистѣйшей химерой.

Душа, думалъ я, если предположить, что у человѣка есть душа, должна состоять тоже изъ матеріи. По опредѣленію Оригена, *incorporeus*—эпитетъ, который онъ даетъ своему Богу—означаетъ субстанцію, лишь болѣе тонкую, чѣмъ наше физическое тѣло, о которомъ мы въ лучшемъ случаѣ не можемъ имѣть никакой опредѣленной идеи. Какимъ же образомъ то, о чемъ наши чувства не дають намъ никакого яснаго представленія, можетъ быть видимымъ и стать осязаемымъ проявленіемъ?

Въ такомъ настроеніи я не могъ чувствовать ничего, кромѣ презрѣнія къ зарождавшемуся тогда спиритуализму, и выслушивалъ всѣ подобныя басни съ насмѣшкой, въ которой былъ всегда оттѣнокъ гнѣва. Послѣднее чувство никогда не покидало меня.

Паскаль въ VIII отдѣлѣ своихъ „Мыслей“ признается въ полной своей неувѣренности въ существованіи Бога, я же въ теченіе всей своей жизни исповѣдывалъ полную увѣренность въ несуществованіи какого-бы то ни было внѣкосмическаго Существа и повторялъ вмѣстѣ съ великимъ мыслителемъ его достопамятныя слова: „Я смотрѣлъ, не оставилъ ли этотъ Богъ, о которомъ говоритъ весь міръ, какого-либо слѣда на землѣ. Я смотрю всюду, и всюду встрѣчаю одну лишь темноту.“

Природа не даетъ ничего, что не вызывало бы во мнѣ сомнѣнія и тревоги“. И я лично чувствовалъ также. Я никогда не вѣрилъ и никогда не повѣрю въ Верховное Существо, но въ скрытыя свойства человѣка, признаваемые на Востокѣ, силы, настолько развитыя въ нѣкоторыхъ людяхъ, что благодаря имъ они дѣлаются, какъ Боги, *эти* силы я долженъ былъ признать и не могу болѣе смѣяться надъ ними. Вся моя разбитая жизнь доказываетъ ихъ существованіе. Я вѣрю въ нихъ и проклиная ихъ, откуда бы онѣ ни являлись.

Послѣ смерти моихъ родителей я, благодаря неудачному процессу, потерялъ почти все свое состояніе и рѣшилъ—не столько для себя, сколько для тѣхъ, кого любилъ—составить себѣ новое состояніе. Моя старшая сестра, которую я боготворилъ, вышла замужъ за бѣднаго человѣка. Я принялъ предложеніе богатой гамбургской фирмы и отправился въ Японію въ качествѣ ея младшаго компаніона.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мои дѣла шли успѣшно. Благодаря довѣрью, которое я заслужилъ у многихъ вліятельныхъ японцевъ, мнѣ удавалось проникать въ такія области, которыя тогда были трудно доступны для иностранцевъ. Равнодушный ко всѣмъ религіямъ, я заинтересовался философіей буддизма, единственной религіозной системой, которая достойна названія философской. Я любилъ въ свободное отъ работъ время посѣщать наиболѣе замѣчательныя храмы Японіи, самыя

любопытные изъ девяноста шести буддійскихъ монастырей Кіото. Я осматривалъ поочереди Дай-Бутзу, съ его гигантскимъ колоколомъ, Дзіонине, Энарино-Іассеро, Кіз-Миссу, Хигадзи-Хонъ-Вонзи и многіе другіе знаменитые храмы.

Время шло, но я не измѣнялъ своему скептицизму и оставался при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ. Я поднималъ на смѣхъ претензіи японскихъ бонзъ и аскетовъ такъ же, какъ смѣялся надъ христіанскими священниками и европейскими спиритуалистами; не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить въ существованіе какихъ то невѣдомыхъ силъ, неизвѣстныхъ людямъ науки? Суевѣрные и меланхолическіе буддисты, которые учатъ избѣгать радостей жизни, искоренять страсти и дѣлаться одинаково безчувственнымъ, какъ къ счастію, такъ и къ несчастію, чтобы пріобрѣсти какія то химерическія силы—всѣ они были необыкновенно потѣшны въ моихъ глазахъ.

Однажды, въ день, навсегда незабвенный и роковой, я познакомился съ очень ученымъ и почтеннымъ бонзой по имени Тамоора-Хидейери. Я встрѣтился съ нимъ у подножія золотого Куэнъ-Онъ, и съ этого момента онъ сталъ моимъ лучшимъ другомъ. Но несмотря на все мое уваженіе къ нему, я никогда не упустилъ случая, чтобы не поднять на смѣхъ его религіозные предрассудки, чѣмъ нерѣдко оскорблялъ его чувства.

При этомъ мой старый другъ проявлялъ столько кротости и всепрощенія, что могъ бы удовлетворить самое правовѣрное буддійское сердце. Онъ никогда не сердился на мои злые сарказмы и ограничивался кроткимъ протестомъ: „подождите и сами увидите“. Онъ не могъ даже повѣрить моему отрицанію Бога. Значеніе терминовъ „атеизмъ“ и „скептицизмъ“ было внѣ пониманія его, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чрезвычайно тонкаго и развитого, ума. Подобно нѣкоторымъ богобоязненнымъ христіанамъ онъ былъ неспособенъ понять, какимъ образомъ мудрые выводы науки можно предпочитать нелѣпому вѣрованію въ невидимый міръ, населенный богами, демонами и разными духами. Онъ упорно утверждалъ, что человѣкъ — „духовное существо, которое возвращается на землю много разъ, а въ промежуткахъ между смертію и новымъ рожденіемъ получаетъ или награду, или наказаніе. Подобно Жерому Колье, онъ отказывался признать себя за ходячую машину или за говорящую голову безъ души, мысли которой подчинены законамъ движенія“. „Ибо, убѣждалъ онъ меня, если бы мои дѣйствія были дѣйствительно предначертаны заранѣе, какъ вы говорите, и я былъ бы также неспособенъ по своей волѣ измѣнять направленіе своихъ дѣйствій, какъ теченіе водъ вонъ той рѣки, тогда великое ученіе Кармы было бы дѣйствительно безуміемъ“.

Такимъ образомъ вся онтологія моего ультра-метафизическаго друга покоилась на шаткомъ основаніи метампсихозиса, на какомъ то воображаемомъ „справедливомъ“ Законѣ Возмездія и тому подобныхъ дикихъ фантазіяхъ. „Мы не можемъ, говорилъ онъ однажды, наслаждаться послѣ смерти полнымъ сознаниемъ, если при жизни не построили твердой основы духовности... Нѣтъ, не смѣйтесь, другъ, лишенный вѣры, просилъ онъ кротко, лучше подумайте хорошенько объ этомъ. Кто не научился жить въ духѣ во время своей сознательной и отвѣтственной жизни на землѣ, едва ли способенъ на сознательное существованіе послѣ смерти, когда, лишенный тѣла, онъ будетъ пребывать въ области единаго Духа“.

„Что вы понимаете подъ жизнью въ Духѣ?“ спросилъ я.

„Жизнь въ духовномъ мірѣ, въ томъ, который буддисты называютъ Девалока (рай). Человѣкъ можетъ подготовить себѣ такое блаженное существованіе въ промежуткахъ между двумя рожденіями, перенося постепенно на этотъ высшій планъ бытія всѣ способности, которыя во время его земного существованія проявляются черезъ тѣлесные его органы, и, какъ вы это называете, черезъ физическій мозгъ“...

„Какая нелѣпость! И какъ же человѣкъ можетъ сдѣлать это?“

„Созерцаніе и сильное желаніе уподобиться благословеннымъ Богамъ дадутъ ему возможность достигнуть цѣли“.

„А если человѣкъ откажется отъ этого интереснаго занятія, подъ которымъ вы, вѣроятно, подразумѣваете устремленіе глазъ на кончикъ своего носа, что станетъ съ нимъ послѣ смерти его тѣла?“ задалъ я ему насмѣшливый вопросъ.

„Это будетъ зависеть отъ преобладающаго состоянія его сознанія, въ которомъ различается нѣсколько степеней; самое лучшее—немедленное новое рожденіе; въ худшемъ случаѣ—состояніе *avitchi*, душевный или субъективный адъ. Но совсѣмъ не нужно быть аскетомъ, чтобы овладѣть духовностью, которая длилась бы и въ посмертномъ состояніи. Требуется лишь желаніе приблизиться къ области Духа“.

„Такъ, такъ! Даже и не вѣря?“ спросилъ я.

„Даже и не вѣря! Возможно не вѣрить и все же оставить мѣсто для сомнѣнія, какъ бы мало оно ни было; и тогда можетъ наступить минута, когда человѣкъ все же попытается пріоткрыть дверь, ведущую въ внутренній храмъ. И этого достаточно“.

„Вы рѣшительно поэтичны и въ придачу парадоксальны до конца ногтей, высокочтимый сэръ! Не будете ли вы такъ добры и не объясните ли мнѣ немножко эту тайну?“

„Тайны нѣтъ никакой, но я готовъ. Предположите на минуту, что какой-либо храмъ, въ которомъ вы никогда не были, и самое су-

ществованіе котораго вы отрицаете, и есть тотъ „духовный планъ“, о которомъ я говорю. Предположите, что кто-либо взялъ васъ за руку и привелъ туда, а любопытство заставило васъ открыть дверь и заглянуть внутрь. Этимъ простымъ дѣйствіемъ, тѣмъ, что вы войдете туда на одну секунду, вы установите вѣчную связь между вашимъ сознаниемъ и храмомъ. Вы не можете болѣе отрицать его существованія и не можете уничтожить того, что вы входили въ храмъ. И смотря по тому, *какъ* вы себя чувствовали въ святомъ мѣстѣ, такъ вы будете жить въ немъ и послѣ того, такъ ваше сознание покинетъ свою тѣлесную обитель“.

„Что вы подразумѣваете подъ этимъ? И какое дѣло моему смертному сознанию, если существуетъ такая вещь, до вашего храма?“

„Очень большое дѣло, отвѣтилъ торжественнымъ тономъ Тамоора. Послѣ смерти не можетъ быть самосознанія *внѣ* храма Духа. Только то и переживаетъ отъ насъ, что соприкасалось съ міромъ духовнымъ. Все остальное исчезаетъ и есть лишь—иллюзія. Всему этому суждено погибнуть въ Океанѣ Майи“.

Находя идею проживанія внѣ своего тѣла очень забавной, я просилъ своего стараго друга продолжать. Не замѣчая моего насмѣшливаго настроенія, почтенный бонза охотно согласился.

Тамоора-Хидейери принадлежалъ къ большому храму Тзи-Оненскому буддистскому монастырю, знаменитому не только по всей Японіи, но и по всему Тибету и Китаю. Его монахи принадлежатъ къ сектѣ Дзено-доо, и ихъ считаютъ наиболѣе свѣдущими среди всѣхъ ученыхъ братьевъ. Кромѣ того, существуетъ тѣсная связь между ними и Іамабуши (аскеты или пустынники), послѣдователями ученія Лао-тзе. Неудивительно послѣ этого, что достаточно было съ моей стороны легкаго намека, чтобы Тамоора-Хидейери вознесся на головокружительныя метафизическія вершины, вѣроятно надѣясь измѣнить мое невѣріе.

Безполезно повторять хитросплетенія этого безнадежно непонятнаго ученія. По его словамъ выходило такъ, что мы должны упражняться въ духовности еще на землѣ, вродѣ того, какъ упражняемся гимнастикой. Продолжая аналогію между храмомъ и „духовнымъ планомъ“, онъ пробовалъ иллюстрировать свою идею. Самъ онъ работалъ въ храмѣ Духа двѣ трети своей жизни и отдавалъ нѣсколько часовъ въ день „созерцанію“. И потому онъ *позналъ* (?!), что послѣ освобожденія изъ своей брэнной оболочки, которая ничто иное, какъ „иллюзія“, прибавилъ онъ, онъ будетъ переживать въ своемъ духовномъ сознаниіи снова и снова каждое чувство благородной радости и высшаго блаженства, которое онъ когда-либо переживалъ или *могъ бы переживать*—только во сто разъ сильнѣе. Его работа на духовномъ планѣ

была значительная, говорилъ онъ, и поэтому онъ надѣялся, что и награда работнику будетъ соотвѣтствующая.

„Но предположите, что работникъ, какъ это было въ вашемъ примѣрѣ, относившемся ко мнѣ, откроетъ дверь храма изъ простого любопытства, заглянетъ лишь на секунду въ святилище, и этимъ и ограничится. Что тогда?“

„Тогда, отвѣтилъ онъ, у вашего будущаго самосознанія будетъ одна только эта минута, и больше—никакой. Въ нашей посмертной жизни вносятся и повторяются лишь тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя принадлежатъ къ духовнымъ нашимъ переживаніямъ, и только они. Такимъ образомъ, если бы вы проникли въ жилище Духа не съ чувствомъ благоговѣнія, а питая въ сердцѣ своемъ гнѣвъ, зависть или печаль, въ такомъ случаѣ ваша будущая духовная жизнь была бы поистинѣ печальна. Для вашего будущаго не осталось бы ничего, кромѣ открыванія двери въ припадкѣ дурного настроенія“.

„Какъ же бы это было?“ спрашивалъ я, все болѣе забавляясь. „Что же по вашему я сталъ бы дѣлать до новаго воплощенія?“

„Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ медленно и какъ бы взвѣсивая каждое слово, *вамъ не осталось бы ничего иного, какъ открывать и закрывать двери храма снова и снова, въ теченіе періода, который, какова бы дѣйствительная продолжительность его ни была, для васъ показался бы вѣчностью*“.

Этотъ родъ посмертнаго занятія показался мнѣ въ то время до того уморительнымъ въ своей величавой нелѣпости, что я разразился неудержимымъ припадкомъ смѣха.

Мой почтенный другъ пришелъ повидимому въ большое смущеніе отъ такого результата своей метафизики. Но онъ не сказалъ ни слова, а только вздохнулъ и посмотрѣлъ на меня съ усиленной нѣжностью и состраданіемъ.

„Простите пожалуйста мой смѣхъ, сказалъ я. Но неужели вы серьезно увѣряете, что такъ горячо проповѣдуемое вами „духовное состояніе“ состоитъ въ обезьянчаньи того, что мы дѣлаемъ на землѣ?“

„Нѣтъ, нѣтъ, не обезьянчанье, а лишь заполненіе тѣхъ пробѣловъ, которые оставались незаполненными въ теченіе жизни, лишь усиленное внѣдреніе всего, совершеннаго нами въ области духа. То, что я сказалъ, лишь иллюстрація, и для васъ, совсѣмъ незнакомаго съ мистеріями духовнаго зрѣнія, вѣроятно это было очень непонятно. Вся вина на моей сторонѣ... Мнѣ хотѣлось выяснитъ вамъ, что духовное состояніе нашего сознанія, освобожденнаго изъ тѣла, есть лишь плодъ или результатъ всѣхъ духовныхъ дѣятельностей, имѣвшихъ мѣсто въ нашей земной жизни. Слѣдовательно, если бы за всю жизнь соверши-

лось лишь *одно* духовное дѣйствіе, нельзя было бы и ожидать иныхъ плодовъ, кромѣ повторенія этого единственнаго дѣйствія. Вотъ и все. Буду молиться, чтобы вы были избавлены отъ такого бесплоднаго будущаго и перестали бы отворачиваться отъ истины". И затѣмъ, пройдя черезъ всѣ японскія церемоніи отбытія изъ гостей, превосходный чело-вѣкъ отправился домой.

Увы, если бы я зналъ тогда то, что узналъ впоследствии, какъ бы далекъ я былъ отъ смѣха!

Но въ тѣ времена, чѣмъ больше выростала моя привязанность и мое уваженіе къ нему, тѣмъ болѣе раздражали меня его дикія идеи о посмертной жизни, и въ особенности о сверхъестественныхъ силахъ, которыми, по его мнѣнію, обладали нѣкоторые люди. Чрезвычайно неприятно было для меня его почитаніе Іамабушъ. Ихъ претензіи на „чудо-творенія“ были для меня въ высшей степени ненавистны. Слышать отъ каждаго знакомаго япошки и даже отъ моего собственнаго компаніона, слышшаго за необыкновенно проницательнаго дѣловаго чело-вѣка, восхваленія „великихъ и чудесныхъ“ даровъ у этихъ послѣдователей Лао-тзе съ вѣчно опущенными глазами и благочестиво сложенными руками,— это было болѣе, чѣмъ я могъ вынести терпѣливо въ тѣ дни. И кто были, въ сущности, эти великіе маги съ ихъ претензіями на сверхъестественныя знанія, эти „святые-нищіе“, которые нарочно прячутся, какъ думалъ я тогда, въ недоступныхъ горахъ, чтобы никакой любопытный посѣтитель не могъ разыскать ихъ и выслѣдить, что они дѣлаютъ въ своихъ берлогахъ? Я не вѣрилъ возраженіямъ, которыя дѣлали мнѣ, увѣряя, что хотя Іамабуши и ведутъ таинственную жизнь, не допуская къ своимъ тайнамъ постороннихъ, они, при соблюденіи многихъ условій, все же принимаютъ учениковъ и, такимъ образомъ, имѣютъ живыхъ свидѣтелей великой чистоты и святости своей жизни. На это я отвѣчалъ, что одинаково презираю какъ учениковъ, такъ и учителей, и отвожу ихъ въ одну категорію полоумныхъ, если не мошенниковъ; я доходилъ до того, что въ ту же категорію включалъ и Шинтоистовъ. Шинтоизмъ или *Sin-syu* „вѣра въ Боговъ и въ путь, ведущій къ Богамъ“, т. е. возможность общенія между этими проблематическими существами и людьми, этотъ родъ поклоненія духамъ природы казался мнѣ особенно нелѣпымъ. Но подобныя рѣчи съ моей стороны создали мнѣ не мало враговъ. Ибо *Sinto-Kanusi*, духовные учителя, почитаются выше самыхъ высшихъ классовъ японскаго общества; самъ Микадо находится во главѣ ихъ іерархіи, и наиболѣе культурные и воспитанные люди во всей Японіи принадлежатъ также къ этой сектѣ. Эти „Канузи“ не составляютъ какой-либо отдѣльной касты, и даже не проходятъ черезъ какое-либо посвященіе, по крайней мѣрѣ, насколько

это извѣстно постороннимъ; и такъ какъ они не пользуются никакими привиллегіями, и даже платье носятъ такое же, какъ и всѣ, и только слывуть среди мірянъ за учениковъ и учителей оккультныхъ и духовныхъ наукъ,—то я часто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что нахожусь въ присутствіи такихъ необычайныхъ господъ.

II.

Таинственный посѣтитель.

Прошли года; но по мѣрѣ того, какъ подвигалось время, мой неискоренимый скептицизмъ становился все упорнѣе. Я уже упоминалъ о своей горячо любимой сестрѣ, единственной своей родственницѣ, оставшейся въ живыхъ. Она вышла замужъ и поселилась въ Нюренбергѣ.

Я относился къ ней скорѣе съ сыновними, чѣмъ съ братскими чувствами, и ея дѣти были мнѣ такъ же дороги, какъ если бы они были моими собственными дѣтьми. Въ тѣ тяжелые дни, когда отецъ нашъ потерялъ все свое состояніе, а мать не выдержала удара, эта старшая, кроткая сестра моя стала истиннымъ ангеломъ хранителемъ разоренной семьи. Во имя любви ко мнѣ, желая замѣнить мнѣ учителей, которыхъ мы не могли оплачивать, она отказалась отъ личнаго счастья. И какъ же я любилъ и почиталъ ее! И какъ бессильно было время разорвать эту нѣжную связь! Тотъ, кто утверждаетъ, что атеистъ не можетъ быть самоотверженнымъ другомъ, любящимъ семьяниномъ, произносить величайшую клевету и ложь.

Могутъ быть исключительные случаи, но это относится не столько къ скептикамъ, сколько къ эгоистамъ, но когда человѣкъ отъ природы добрый становится невѣрующимъ изъ любви къ истинѣ, онъ только сильнѣе чувствуетъ свои семейныя узы и свои симпатіи къ людямъ. Всѣ его чувства, всѣ его пламенные стремленія къ невидимому и недостижимому, вся любовь, которую онъ иначе направилъ бы на проблематическія небеса и на обитающаго тамъ Бога, сосредоточиваются съ удесятенной силой на любимыхъ существахъ и на чело-вѣчествѣ. Я утверждаю, что только сердце атеиста:

„Можетъ познать, какіе невѣдомые приливы
Безмолвныхъ радостей заливаютъ его,
Когда братья любятъ другъ друга“...

Именно такая святая братская любовь привела меня къ тому, что я съ радостью пожертвовалъ своимъ собственнымъ комфортомъ и

личными радостями, чтобы обеспечить счастье той, которая была для меня болѣе, чѣмъ мать. Я былъ совсѣмъ молодымъ, когда покинулъ домъ и отправился въ Гамбургъ; работая съ углубленной серьезностью человѣка, имѣющаго предъ собой благородную цѣль осчастливить тѣхъ, кого онъ любитъ, я скоро добился довѣрія своихъ патроновъ, и они ввѣрили мнѣ отвѣтственный постъ, который я занимаю и по сіе время. Первою истинною радостью моей жизни было содѣйствіе браку моей сестры съ тѣмъ человѣкомъ, которымъ она пожертвовала ради меня. Я былъ счастливъ, что могъ помогать имъ, и такъ безкорыстна была моя любовь къ ней, что когда у нея появились дѣти, мое чувство еще болѣе усилилось, и всѣ привязанности моего сердца сосредоточивались на одной ея семьѣ. Для моего сердца привязанность эта была единственной святыней, единственной церковью, гдѣ я поклонялся передъ алтаремъ священныхъ семейныхъ узъ. Дважды, въ теченіе девяти лѣтъ, я переплывалъ океанъ съ единственной цѣлью увидать и прижать къ сердцу сестру и дорогихъ ея дѣтей. У меня не было другихъ связей съ западомъ и каждый разъ, повидавшись съ ними, я возвращался въ Японію, чтобы работать для нихъ. Изъ любви къ нимъ я остался холостякомъ, чтобы всѣ плоды моихъ трудовъ могли перейти къ нимъ безраздѣльно.

Мы переписывались съ сестрой такъ часто, какъ это позволяло медленное движеніе почтовыхъ кораблей. Но вдругъ насталь долгій перерывъ, и я почти цѣлый годъ не получалъ извѣстій изъ дома; съ каждымъ днемъ мое безпокойство росло все болѣе и болѣе, и я началъ терзаться предчувствіемъ великой бѣды.

„Другъ“, сказалъ мнѣ однажды Тамоора Хидейери, единственный человѣкъ, которому я вполнѣ довѣрялъ, „другъ, посоветуйтесь съ святымъ Іамабуши и вы найдете успокоеніе“.

Нечего говорить, что предложеніе его было отвергнуто съ негодованіемъ. Но по мѣрѣ того, какъ пароходъ за пароходомъ приходилъ безъ единой вѣсти, я почувствовалъ отчаяніе, которое ежедневно увеличивалось. Подъ конецъ оно перешло въ такое непреодолимое стремленіе узнать правду, какова бы она ни была, что я былъ побѣжденъ. Прежде я гордился своимъ полнымъ самообладаніемъ—теперь я сталъ презрѣннымъ рабомъ страха. Фаталистъ изъ школы Гольдбаха, убѣжденный, что строгій законъ необходимости — единственное условіе для невозмутимаго спокойствія философа, я ловилъ себя на желаніи прибѣгнуть къ чему то вродѣ гаданія! Я дошелъ до того, что начиналъ забывать важнѣйшій принципъ моего вѣроисповѣданія, который можно было выразить въ двухъ словахъ: *все совершается по необходимости*; да, я готовъ былъ все забыть, чтобы узнать во что бы то ни стало

судьбу моихъ близкихъ; и до того измѣнился весь мой внутренній міръ, что я жаждалъ, подобно слабой, нервной дѣвушкѣ, сдѣлать попытку и заглянуть—въ такую нелѣпость вѣрятъ нѣкоторые безумцы—по ту сторону земного шара, чтобы узнать наконецъ, чѣмъ вызвано это необъяснимое молчаніе!

Однажды вечеромъ, передъ закатомъ солнца, мой старый другъ, почтенный бонза Тамоора, появился на верандѣ моего дома. Я долго не былъ у него, и онъ пришелъ узнать о моемъ здоровьѣ. Я воспользовался его приходомъ, чтобы задѣть его и задалъ ему вопросъ: почему беретъ онъ на себя трудъ приходить ко мнѣ пѣшкомъ, когда онъ легко могъ бы узнать обо мнѣ все, что его интересуетъ, спросивъ о томъ своего Іамабуши? Въ началѣ онъ какъ будто огорчился, но взглянувъ пристально на мое измученное лицо, онъ кротко замѣтилъ, что продолжаетъ настаивать на своемъ прежнемъ совѣтѣ: лишь членъ этого святого братства можетъ принести мнѣ утѣшеніе въ переживаемомъ мною испытаніи.

Съ этой минуты безумное желаніе овладѣло мною, и я рѣшилъ провѣрить его обѣщаніе. Я сказалъ ему, что предлагаю его прославленнымъ магамъ назвать ему имя той личности, о которой я думаю, и открыть мнѣ, что дѣлаетъ она въ данный моментъ. Онъ спокойно отвѣтилъ, что удовлетворить мое желаніе совсѣмъ не трудно. Въ двухъ шагахъ отъ моего дома, у больного Шинто, находится Іамабуши, и если я скажу одно только слово, онъ пойдетъ и приведетъ его ко мнѣ. Я сказалъ это слово, *и какъ только я произнесъ его, судьба моя была рѣшена.* Черезъ двадцать минутъ старый японецъ, необычайно высокій и величественный для этой расы, блѣдный, тонкій и изможденный, стоялъ передо мной. вмѣсто подобострастной угодливости, которую я ожидалъ, я увидалъ спокойствіе, полное достоинства, выраженіе нравственнаго превосходства и полное равнодушіе къ тому, что могутъ о немъ подумать. На вопросы, и насмѣшливые и неуважительные, которые я съ лихорадочной поспѣшностью ставилъ ему, одинъ за другимъ, онъ не далъ никакого отвѣта, но смотрѣлъ на меня въ молчаніи такъ, какъ смотритъ врачъ на больного въ бреду. Въ моментъ, когда онъ устремилъ свой взглядъ на меня, я почувствовалъ или скорѣе увидалъ, какъ яркій лучъ свѣта, какъ бы тонкая серебряная нить устремилась изъ глубины его черныхъ, глубоко запавшихъ глазъ, и какъ бы проникла въ самый мозгъ и мое сердце, подобно острой стрѣлѣ. Да, я и видѣлъ и чувствовалъ это, и скоро это двойное ощущеніе стало невыносимо.

Чтобы прекратить мучительное молчаніе, я спросилъ его, что нашелъ онъ въ моихъ мысляхъ. На это послѣдовалъ спокойный и совер-

шенно вѣрный отвѣтъ: чрезвычайное безпокойство за родственницу, ее мужа и дѣтей, которые живутъ далеко въ домѣ, описаніе котораго послѣдовало съ такими вѣрными подробностями, какъ будто онъ зналъ этотъ домъ такъ же, какъ и я самъ. Услыхавъ этотъ отвѣтъ, я подозрительно посмотрѣлъ на моего друга бонзу; но, вспомнивъ, что Тамоора не могъ знать дома моей сестры и что японцы славятся своей „вѣрностію до могилы“, я устыдился своего подозрѣнія. Послѣ этого я спросилъ отшельника, не можетъ ли онъ мнѣ сообщить, что дѣлаетъ въ настоящую минуту моя сестра. „Чужеземецъ,—послѣдовалъ отвѣтъ,—никогда не повѣритъ словамъ и знаніямъ кого бы то ни было, кромѣ самого себя. Если онъ услышитъ истину, впечатлѣніе продлится недолго и имъ овладѣетъ попрежнему мучительное безпокойство. Остается только одно средство: заставить чужеземца, (т. е. меня) видѣть собственными глазами и такимъ образомъ узнать истину самому. Согласенъ ли чужеземецъ довѣриться мнѣ, чтобы я могъ привести его въ надлежащее состояніе?“

Я слышалъ въ Европѣ о сомнамбулахъ и о претендующихъ на ясновидѣніе и, не имѣя никакой вѣры въ нихъ, не могъ ничего имѣть и противъ самого процесса, въ дѣйствительность котораго не вѣрилъ. Несмотря на всю переживаемую агонію, я все же не могъ удержаться отъ улыбки при мысли о забавной операціи, черезъ которую долженъ буду сейчасъ пройти, и я молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

III.

Психическая Магія.

Старый Іамабуши не терялъ времени. Онъ смотрѣлъ на заходящее солнце, и находя вѣроятно, что Господь Тень-Дзіо - Даи - Дзіо (Духъ, выбрасывающій свои лучи) благопріятствуетъ предстоящей церемоніи, онъ быстро вынулъ изъ небольшого пакета маленькій лакированный ящикъ, кусокъ растительной бумаги, изготовленной изъ коры тутоваго дерева, и перо, которымъ онъ набросалъ на упомянутой бумагѣ нѣсколько изреченій особыми знаками (Naiden), употребляющимися лишь для религіозныхъ и мистическихъ цѣлей. Окончивъ это, онъ вынулъ изъ складокъ своихъ одеждъ маленькое круглое зеркало изъ стали необычайнаго блеска и, держа его передъ моими глазами, предложилъ мнѣ смотрѣть въ него.

Я не только слышалъ ранѣе о такихъ зеркалахъ, часто употребляющихся въ храмахъ, но даже нерѣдко и видѣлъ ихъ. Существуетъ

вѣрованіе, что, по волѣ знающихъ священниковъ, въ нихъ появляются *Дайдзѣ Дзинъ*, духи, показывающіе правовѣрнымъ ихъ будущую судьбу. И я въ первую минуту подумалъ, что онъ намѣревается вызвать такого духа, чтобы онъ отвѣчалъ на мои вопросы. На дѣлѣ же произошло нѣчто совершенно иное.

Только что я успѣлъ съ чувствомъ неловкости, вызваннымъ яснымъ сознаниемъ нелѣпости моего положенія, притронуться къ зеркалу, какъ почувствовалъ странное ощущеніе въ той рукѣ, которая держала его. На короткое время я забылъ свой сарказмъ и пересталъ смотрѣть на дѣло съ комической точки зрѣнія. Былъ ли это страхъ, который внезапно впился въ мой мозгъ, на минуту парализуя его дѣятельность? Нѣтъ, ибо я еще сохранялъ свое сознание настолько, что не ожидалъ ничего отъ эксперимента, который противорѣчилъ всѣмъ моимъ здоровымъ понятіямъ. Что же это было, что проползло по моему мозгу, леденя его и вызывая въ немъ ощущеніе ужаса, а затѣмъ проникло въ мое сердце, словно ядовитая змѣя вонзила въ него свое жало? Конвульсивнымъ движеніемъ руки я выпустилъ магическое зеркало и не могъ принудить себя поднять его съ дивана, на которомъ я сидѣлъ. Въ теченіе одного короткаго мига произошла страшная борьба между непонятной для меня жаждой взглянуть въ глубину полированной поверхности зеркала и моей гордостью, которую казалось ничто не могло укротить. Около меня на лакированномъ столикѣ лежала открытая книга; взглянувъ случайно на развернутую страницу, я прочелъ слова: „покровъ, скрывающій будущее, сотканъ руками милосердія“. Этого было достаточно. Та же самая гордость, которая удерживала меня отъ унижительнаго эксперимента, бросила вызовъ моей судьбѣ. Я поднялъ нестерпимо блестящій дискъ и приготовился смотрѣть въ него.

Пока я разсматривалъ зеркало, Іамабуши быстро сказалъ нѣсколько словъ бонзѣ Тамоорѣ, что заставило меня бросить на обоихъ подозрительный взглядъ. Но я еще разъ ошибся.

„Святой человѣкъ желаетъ поставить вамъ одинъ вопросъ и въ то же время предупредить васъ“, сказалъ бонза. „Если вы хотите смотрѣть сами, вы должны подвергнуться процессу очищенія послѣ того, какъ увидите въ зеркалѣ все, что желаете знать; *иначе вы останетесь ясновидящимъ навсегда и будете видѣть на всякомъ разстояніи вопреки желанію и противъ воли своей*“.

„Что это за очищеніе и что долженъ я обѣщать?“ спросилъ я съ недоувѣріемъ. „Это дѣлается для вашего же блага. Вы должны обѣщать подчиниться и сдѣлать все, что онъ скажетъ вамъ, иначе на него ляжетъ отвѣтственность, что онъ сдѣлалъ изъ васъ *безсознательнаго ясновидца*. Вѣдь вы согласитесь, дорогой другъ?“

„Впереди еще много времени, чтобы подумать объ этомъ, если я увижу что-нибудь“—отвѣтилъ я съ насмѣшкой и прибавилъ про себя: „въ чемъ я сильно сомнѣваюсь до сихъ поръ“.

„Хорошо, другъ, вы предупреждены, послѣдствія падуть на васъ самихъ“, былъ торжественный отвѣтъ.

Я взглянулъ на часы съ жестомъ нетерпѣнія, который былъ замѣченъ Іамабуши. Было ровно *семь минутъ шестого*.

„Опредѣлите ясно въ своемъ умѣ, *что* вы желали бы видѣть и узнать“, сказалъ „заклинатель“, положивъ зеркало и бумагу въ мои руки и объяснивъ, какъ слѣдовало обращаться съ ними.

Выслушавъ его и устремивъ взглядъ на зеркало, я сказалъ:

„*Я желаю лишь одного—узнать причину, почему моя сестра такъ внезапно перестала писать ко мнѣ*“...

Дѣйствительно ли я произнесъ эти слова передъ двумя свидѣтелями, или подумалъ ихъ—я и до сихъ поръ не могу рѣшить. Помню ясно только одно: въ то время, какъ я смотрѣлъ въ зеркало, Іамабуши смотрѣлъ на меня. Но опредѣлить, какъ долго длилось это: одну секунду, или нѣсколько часовъ—я не могу. Я помню все съ малѣйшими подробностями до того момента, какъ взялъ зеркало въ лѣвую руку, а бумагу, исписанную мистическими знаками, между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки; съ этого момента я повидимому потерялъ сознание всего окружающаго. Переходъ этотъ въ совершенно новое для меня состояніе совершился такъ быстро, что я потерялъ изъ виду всѣ внѣшніе предметы, и бонзу, и Іамабуши, и комнату въ тотъ моментъ, когда увидалъ себя наклоненнымъ впередъ съ зеркаломъ въ рукѣ. Затѣмъ появилось сильное ощущеніе непроизвольнаго стремленія впередъ, какъ бы скачка съ своего мѣста—я бы даже сказалъ изъ своего тѣла. А потомъ мои глаза, какъ мнѣ показалось тогда—всѣ остальные мои чувства были вполне парализованы—увидали яснѣе и живѣе, чѣмъ когда-либо въ дѣйствительности, Нюренбергскій домъ моей сестры, который я самъ никогда не видалъ и зналъ только по рисункамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущая какъ бы вспышки уходящаго сознанія—умирающіе должны испытывать нѣчто подобное—я различилъ послѣднюю мысль, слабую и едва уловимую о томъ, какой смѣшной у меня долженъ быть видъ...

Это *ощущеніе*—ибо это было скорѣе ощущеніе, чѣмъ мысль—было внезапно погашено яснымъ духовнымъ видѣніемъ (я не могу назвать этого иначе) меня самого, того, что я зналъ, какъ свое тѣло, лежащимъ съ свинцово-блѣднымъ лицомъ на кушеткѣ, мертвымъ по всѣмъ признакамъ, но продолжающимъ тарачить стеклянные глаза мертвеца въ зеркало. Наклоненный надъ нимъ, разбивающій по всѣмъ

направленіямъ своими худыми руками воздухъ надъ *его* блѣднымъ лицомъ, стоялъ высокій Іамабуши, къ которому я чувствовалъ въ тотъ моментъ нестерпимую, смертельную ненависть. А когда я рванулся въ мысляхъ, устремляясь на гадкаго шарлатана, мой трупъ, оба старика, и самая комната, и всѣ предметы въ ней задрожали и затанцовали въ въ красновато-пламенномъ свѣтѣ и быстро понеслись куда то отъ „меня“. Еще нѣсколько искаженныхъ чудовищныхъ тѣней передъ „моимъ“ взоромъ, и, вмѣстѣ съ послѣднимъ ощущеніемъ ужаса и высочайшаго напряженія, чтобы понять, *кто же* былъ я, если я не былъ тотъ трупъ—густой покровъ мрака упалъ на меня и погасилъ послѣднюю искру моего сознанія.

IV.

Видѣніе Ужаса.

Какъ странно!... Гдѣ же былъ я теперь? Было ясно, что ко мнѣ снова вернулось сознаніе. Ибо я несомнѣнно существовалъ и быстро подвигался впередъ, но какъ то необычайно, какъ будто я плылъ безъ всякаго импульса и усилія съ моей стороны и при томъ—въ полнѣйшей темнотѣ. Первая моя мысль была о длинномъ, подземномъ проходѣ среди воды, земли и спертаго воздуха, хотя тѣлесно я не испытывалъ ни малѣйшаго соприкосновенія съ которой нибудь изъ этихъ стихій. Я пробовалъ произнести нѣсколько словъ, повторить мою послѣднюю фразу: *„я желаю лишь одного—узнать причину, почему моя сестра такъ внезапно перестала писать ко мнѣ“*. Но изъ всѣхъ пятнадцати словъ я услышалъ только одно: „узнать“, и даже оно исходило вовсе не изъ моего горла, и хотя прозвучало звукомъ моего собственнаго голоса, но совершенно внѣ меня, вблизи, но не во мнѣ. Короче, слова были произнесены *моимъ* голосомъ, но не *моими* губами...

Еще одно быстрое непроизвольное движеніе, еще одно погруженіе въ темноту, и я увидалъ себя—стоящимъ—подъ землею, какъ мнѣ казалось. Я былъ плотно окруженъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, справа и слѣва землею и, тѣмъ не менѣе, она не имѣла вѣса и казалась нематеріальной и прозрачной для *моихъ чувствъ*. Но я тогда совершенно не сознавалъ полную нелѣпость, болѣе того, невозможность этого *кажущагося* факта! Еще одна секунда, и я увидѣлъ... рассказываю объ этомъ теперь съ невыразимымъ ужасомъ, но тогда—не смотря на необычайную обостренность всѣхъ ощущеній—я оставался совершенно равнодушнымъ къ тому, что увидѣлъ передъ собой.

Да, я увидѣлъ гробъ у моихъ ногъ. Это былъ простой, непритязательный ящикъ, послѣднее ложе нищаго, и въ немъ—сквозь закрытую крышку—я ясно различалъ страшно ослабленную голову и человѣчскій скелетъ, раздробленный во многихъ мѣстахъ, словно его извлекли изъ какой-нибудь секретной комнаты блаженной памяти инквизиціи, гдѣ его подвергали страшнымъ пыткамъ. „Кто это можетъ быть?“ подумалъ я.

Въ эту минуту я опять услышалъ, какъ издалека доносился мой собственный голосъ... „*Причину, почему*“... произнесъ онъ, словно эти слова были непрерывавшимся продолженіемъ той самой фразы, изъ которой онъ только что произнесъ одно слово „*узнать*“.

Онъ звучалъ близко и въ то же время какъ бы изъ невообразимой дали, производя впечатлѣніе, что все долгое подземное путешествіе и всѣ послѣдовательныя размышленія и открытія совсѣмъ не заняли времени; что всѣ они произошли въ теченіе мгновеннаго промежутка между первымъ и средними словами фразы, начатой въ моей комнатѣ въ Кіото—и которую голосъ продолжалъ произносить въ оторванныхъ изреченіяхъ, подобно вѣрному эхо моихъ собственныхъ словъ...

Вслѣдъ затѣмъ чудовищныя останки начали принимать знакомую мнѣ форму. Раздробленныя части соединились вмѣстѣ, кости снова одѣлись тѣлеснымъ покровомъ, и я узналъ—съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ малѣйшей тѣни чувства—мужа моей сестры, котораго я во имя ея такъ горячо любилъ! „Почему умеръ онъ такою страшною смертью?“ спросилъ я себя. Едва я поставилъ этотъ вопросъ, какъ словно въ панорамѣ развернулась передо мной вся картина смерти бѣднаго Карла со всею ужасающею живостью и со всѣми потрясающими подробностями, которыя тогда оставляли меня совершенно равнодушнымъ. Вотъ онъ, старый дорогой другъ, полный жизни и радости, только что получившій значительное повышеніе по службѣ, рассматриваетъ и пробуетъ на лѣсопильномъ заводѣ огромную паровую машину, только что прибывшую изъ Америки. Онъ наклонился надъ ней, рассматривая что то внутри и словно желая закрѣпить одну изъ гаекъ. Его платье схватывается зубьями вращающагося на полномъ ходу колеса и внезапно—весь онъ втянутъ, разорванъ пополамъ, и его отдѣлившіеся члены выброшены вонъ, прежде чѣмъ незнакомые съ механизмомъ рабочіе смогли остановить колесо. Его вынимаютъ, т. е. то, что осталось отъ него, ужасную, неузнаваемую массу еще трепещущаго окровавленнаго тѣла... Я слѣдую за этими остатками, которые везутъ въ госпиталь, слышу грубо отдаваемое приказаніе, чтобы вѣстники смерти остановились по дорогѣ у дома вдовы и сиротъ. Я вхожу за ними въ домъ и вижу ничего не подозревающую семью, спокойно занятую своими дѣлами. Я

узнаю мою сестру, дорогую, любимую, и остаюсь совершенно равнодушнымъ, хотя и сильно заинтересованнымъ предстоящей сценой. Мое сердце, мои чувства, вся моя личность—казалось—исчезли, остались гдѣ то позади, принадлежали кому то другому.

Тамъ стоялъ „я“, присутствуя, какъ передавалась страшная новость. Я вижу ясно вліяніе удара на нее, я наблюдаю до мельчайшихъ подробностей всѣ ея ощущенія и внутренній процессъ, происходящій въ ней. Я наблюдаю и запоминаю, не пропуская ничего.

Когда трупъ былъ внесень въ домъ, я услыхалъ долгій крикъ агоніи, затѣмъ мое собственное имя, и — глухой звукъ живого тѣла, упавшаго на останки Мертвеца. Съ любопытствомъ слѣдилъ я, какъ ее начала потрясать сильная дрожь, какъ за дрожью послѣдовало моментальное сотрясеніе въ мозгу, я внимательно наблюдалъ червеобразное, страшно напряженное движеніе всѣхъ фибръ, моментальную перемену цвѣта въ оконечностяхъ головной нервной системы, какъ нервное вещество волоконъ измѣняло свой бѣлый цвѣтъ въ красноватый, который быстро переходилъ въ темно-красный, а затѣмъ—въ синеватый оттѣнокъ. Я замѣтилъ внезапную вспышку фосфорического яркаго сіянія, какъ оно затрепетало и внезапно погасло, послѣ чего наступили темнота — полнѣйшій мракъ въ области памяти... какъ сіяніе, сравниваемое по формѣ лишь съ очертаніями человѣка, выдѣлилось внезапно изъ верхней части головы, расширилось, потеряло свою форму и разсѣялось въ пространствѣ. И я сказалъ себѣ: „это—сумашествіе, неизлечимое пожизненное сумашествіе, ибо начало разума не парализовано и угасло не на время, а совсѣмъ покинуло свою обитель, выброшенное изъ него ужасающей силой внезапнаго удара... Связь между животной и божественной сущностью порвана...“ И когда необычайное слово „божественной“ было произнесено, моя „Мысль“ засмѣялась.

Внезапно я снова услыхалъ мой голосъ, отдаленный и все же близкій, произносившій совсѣмъ около меня: *„почему моя сестра такъ внезапно перестала писать...“* И прежде чѣмъ послѣднія два слова „ко мнѣ“ успѣли закончить всю фразу, я увидалъ цѣлый рядъ тяжелыхъ событій, послѣдовавшихъ за катастрофой.

Я увидалъ мать, беспомощную, что то бормочащую идиотку, помещенную въ сумашедшемъ отдѣленіи городского госпиталя, и семейныхъ дѣтей въ пріютѣ для бѣдныхъ, затѣмъ увидѣлъ двухъ старшихъ—мальчика пятнадцати лѣтъ и дѣвочку годомъ моложе, моихъ любимцевъ, обоихъ въ услуженіи у чужихъ людей. Капитанъ паруснаго судна взялъ моего племянника, а племянницу забрала старая еврейка. Я смотрѣлъ на всѣ эти событія, со всѣми сердце раздирающими по-

дробностями, и запоминалъ ихъ съ отчетливостью и полнымъ хладнокровіемъ. Ибо, запомните хорошенько: когда я употребляю выраженіе „сердце раздирающее“ и другія въ этомъ родѣ, это относится къ позднѣйшимъ моимъ переживаніямъ. Во время же описанныхъ наблюденій я не испытывалъ ни малѣйшаго горя, ни малѣйшей жалости. Всѣ мои чувства были парализованы такъ же, какъ и внѣшніе органы; и лишь по „возвращеніи назадъ“ въ тѣло начиналъ я сознавать всѣ свои невознаградимыя потери.

Все, что я ранѣе такъ энергично отрицалъ, приходилось переживать въ тѣ дни личнымъ горькимъ опытомъ. Если бы мнѣ кто нибудь сказалъ прежде, что человѣкъ способенъ дѣйствовать и сознавать независимо отъ своего мозга и отъ своихъ органовъ чувствъ; что какой то таинственной силой онъ можетъ быть перенесенъ въ безплотномъ видѣ за тысячи верстъ отъ своего тѣла, чтобы присутствовать при событіяхъ не только совершающихся, но и прошедшихъ, и задерживать ихъ какимъ то непонятнымъ способомъ въ своей памяти — я назвалъ бы такого человѣка сумашедшимъ. Но увы, это время прошло, ибо я самъ сталъ такимъ „сумашедшимъ“. Десять, двадцать, сто разъ во время моей проклятіемъ отмѣченной жизни испыталъ я подобное существованіе *внѣ своего тѣла*. И я даже не могу приписать этого временному помѣшательству: сумашедшіе видятъ не существующее, а мои видѣнія оказывались *неизмѣнно вѣрными*. Но вернемся къ моей повѣсти страданія. Послѣднимъ моимъ впечатлѣніемъ была горькая судьба моей любимой племянницы, а затѣмъ я почувствовалъ такое же сотрясеніе, послѣ котораго я поплылъ внутри земли, какъ мнѣ казалось тогда. Я открылъ глаза въ моей собственной комнатѣ, и первое, на что упалъ мой взглядъ, были стѣнные часы. Ихъ стрѣлки показывали *семь съ половиной минутъ шестого!*.. Такимъ образомъ я прошелъ черезъ всѣ эти ужасающія испытанія, на описаніе которыхъ потребовалось нѣсколько часовъ, *ровно въ полминуты!* Но это сознаніе появилось позднѣе. Въ первый мигъ я не помнилъ ничего, и то первое мгновеніе, когда я взглянулъ на часы, принимая зеркало изъ рукъ Іамабуши, слилось для меня съ этимъ вторымъ мгновеніемъ. Я только что открылъ ротъ, чтобы поторопить Іамабуши, какъ вдругъ воспоминаніе обо всемъ видѣнномъ освѣтило мой мозгъ. Испустивъ крикъ ужаса и отчаянія, я почувствовалъ, словно весь міръ опрокинулся на меня и придавилъ меня своей тяжестью. Мое сердце заныло отъ нестерпимой боли; судьба моя была рѣшена, и безнадежный мракъ опустился навсегда на остатокъ моей жизни!

Возвратъ сомнѣній.

Затѣмъ наступила реакція, столь же неожиданная, какъ и порывъ отчаянія. Во мнѣ возникло сомнѣніе, которое постепенно разрослось въ гнѣвное желаніе отрицать все, что я только что видѣлъ. Упорная рѣшимость видѣть во всемъ происшествіи безсмысленный сонъ, послѣдствіе моего чрезмѣрнаго напряженія, овладѣло мною.

Да, все это было лживое видѣніе, идиотическое нагроможденіе моихъ собственныхъ ощущеній, внушившихъ мнѣ картины смерти и несчастій подъ вліяніемъ многихъ недѣль неизвѣстности и нравственной подавленности.

„Какъ могъ я увидеть все это менѣе, чѣмъ въ полминуты времени?“ воскликнулъ я... „Теорія сновидѣній, быстрая смѣна событій во снѣ, вызванная возбужденнымъ состояніемъ ганглій мозговыхъ полушарій, достаточно объясняетъ длинный рядъ событій въ моемъ видѣніи. Только во снѣ могутъ до такой степени уничтожаться соотношенія между временемъ и пространствомъ. Іамабуши ни при чемъ въ этомъ неприятномъ кошмарѣ. Какой-нибудь дьявольской смѣсью, секретъ которой извѣстенъ этимъ людямъ, онъ вызвалъ у меня безсознательное состояніе, во время котораго я и увидалъ всѣ эти лживыя и ужасныя видѣнія. Я изгоню всѣ эти навожденія, я не вѣрю въ нихъ! Черезъ нѣсколько дней придетъ пароходъ, отправляющійся въ Европу, и я поѣду съ нимъ!“ Этотъ безсвязный монологъ былъ произнесенъ въ присутствіи моего друга Тамооры и Іамабуши. Послѣдній продолжалъ стоять въ прежней позѣ и смотрѣлъ на меня, вѣрнѣе сказать *черезъ* меня, съ спокойнымъ и молчаливымъ достоинствомъ. Тамоора, доброе лицо котораго свѣтилось состраданіемъ, приблизился ко мнѣ и со слезами на глазахъ сказалъ: „Другъ, вы не должны уѣзжать, не очистившись отъ соприкосновенія съ низшими Даиджъ-Дзинъ (духами), которые направляли вашу неопытную душу туда, куда она стремилась. Сношеніе съ нашимъ внутреннимъ Я должно быть закрыто отъ ихъ опасныхъ вторженій. Не теряйте времени, сынъ мой, и допустите святого Учителя очистить васъ немедленно“.

Но гнѣвъ дѣлаетъ человѣка глухимъ, и, вмѣсто всякаго отвѣта, я началъ съ негодованіемъ протестовать: какъ *могъ* онъ подумать, что я могу повѣрить въ дѣйствительность своихъ видѣній и смотрѣть на него, Іамабуши, иначе, какъ на простого обманщика. „Я уѣду завтра, даже если бы мнѣ это стоило всего моего состоянія!“ воскликнулъ я.

блѣднѣя отъ ярости и отчаянія. „Вы будете раскаиваться въ этомъ всю жизнь, если не дадите святому Учителю оградить васъ отъ вторженія Даиджъ-Дзинъ“, сказалъ онъ съ кроткой настойчивостью. Я прервалъ его грубымъ смѣхомъ и спросилъ, какую плату ожидаетъ отъ меня его Іамабуши за свой экспериментъ?

„Онъ не нуждается ни въ чемъ, отвѣтилъ Тамоора. Орденъ, къ которому онъ принадлежитъ, богатѣйшій въ мірѣ, такъ какъ его члены выше всѣхъ земныхъ желаній и помысловъ. Не оскорбляйте того, кто пришелъ къ вамъ изъ чистаго состраданія, желая облегчить ваши мученія“.

Но я неспособенъ былъ внимать его мудрымъ словамъ, такъ овладѣлъ мною мятежный духъ гордости. Къ счастью для меня, обернувшись съ намѣреніемъ выгнать монаха, я увидалъ, что его уже не было въ комнатѣ.

Я не слыхалъ, чтобы онъ двигался, и приписалъ его внезапный уходъ страху быть изобличеннымъ. Безумецъ, слѣпой самонадѣянный идиотъ!

Я не захотѣлъ повѣрить, что покой всей моей жизни уходитъ вмѣстѣ съ нимъ навсегда... тупое, угрюмое недовѣріе, упрямое отрицаніе свидѣтельства моихъ же собственныхъ чувствъ и твердое рѣшеніе видѣть во всемъ случившемся результатъ разстроеннаго воображенія овладѣло всѣмъ моимъ существомъ.

„Мой умъ, рассуждалъ я, что представляетъ онъ изъ себя? Неужели я повѣрю, вмѣстѣ съ суевѣрными и слабыми, что этотъ продуктъ фосфора и сѣраго вещества есть въ самомъ дѣлѣ высшая часть меня и можетъ видѣть независимо отъ моихъ физическихъ чувствъ? Никогда! я считаю за личное оскорбленіе, за поруганіе разума человѣческаго, говорить о какихъ то невидимыхъ существахъ, о какихъ то „Даиджъ-Дзинъахъ“ и всякаго рода нелѣпыхъ суевѣріяхъ. И я просилъ своего друга бонзу избавить меня отъ его непрошенныхъ совѣтовъ. Такъ бѣсновался я передъ кроткимъ Японцемъ, дѣлая все, что зависѣло отъ меня, чтобы оттолкнуть его, но его удивительная кротость оказалась сильнѣе моего идиотическаго гнѣва, и онъ продолжалъ умолять меня, ради блага всей моей жизни, подвергнуться необходимому очистительному обряду.“

„Никогда! Лучше пребывать въ пространствѣ, изъ котораго даже самый воздухъ выкаченъ здоровымъ недовѣріемъ, чѣмъ оставаться въ густыхъ туманахъ глупаго суевѣрія“, отвѣчалъ я на его мольбы, перефразируя изреченіе Рихтера.

„Чужеземный другъ! воскликнулъ Тамоора, я буду молиться, чтобы вамъ не пришлось раскаяться въ вашемъ упорствѣ; пусть же

Куанъ-Онъ (богиня милосердія) оградить васъ отъ Дзин'овъ! Ибо святой Іамабуши безсиленъ защитить васъ отъ дурныхъ вліяній, вызванныхъ вашимъ невѣріемъ и гнѣвомъ, разъ вы отказываетесь подвергнуться очищенію отъ его руки. Но позвольте въ часъ разлуки мнѣ, старому человѣку, желающему вамъ добра, еще разъ предупредить васъ. Могу я говорить?"

Несмотря на мое нелюбезное возраженіе, что я не выношу его ненавистныхъ суевѣрій, онъ началъ такъ: „Преклоните ваше ухо, дорогой другъ, въ послѣдній разъ и узнайте, что ваша будущая жизнь станетъ невыносимой, если вы наслушаетесь меня. Дайте тому, кто открылъ „ваше духовное зрѣніе“, докончить дѣло и оградить васъ отъ постоянного повторенія тяжелыхъ видѣній. Если вы не согласитесь свободной волей, вы останетесь во власти *Силь*, которыя будутъ мучить и преслѣдовать васъ до предѣловъ безумія. Знайте, что развитіе „Дальняго зрѣнія“ (ясновидѣнія), которымъ владѣютъ *по своей воли* лишь немногіе избранные, отъ которыхъ великая Куанъ-Онъ не имѣетъ тайнъ,—для начинающихъ совершается съ помощью Дзин'овъ (элементарей), которые лишены души, слѣдовательно и жалости. Узнайте также, что лишь Архаты „побѣдители врага“, сдѣлавшіе изъ этихъ существъ своихъ слугъ, въ безопасности отъ нихъ; тотъ же, кто не овладѣлъ ими, становится ихъ рабомъ. Нѣтъ, не смѣйтесь въ вашей гордости и невѣдѣніи, но слушайте дальше. Во время видѣній Даиджъ-Дзинъ овладѣваетъ ясновидцемъ, если онъ, какъ вы—неопытный новичекъ, и держитъ его въ своей власти; и въ это время ясновидецъ перестаетъ быть *самимъ собою*. Онъ раздѣляетъ природу своего „руководителя“. Даиджъ-Дзинъ, направляющій его внутреннее зрѣніе, держитъ его душу въ позорномъ плѣну, дѣлая изъ него, пока ясновидѣніе длится, существо, подобное себѣ.

Лишенный божественнаго свѣта, человѣкъ становится бездушнымъ существомъ; поэтому, оставаясь въ соприкосновеніи съ Даиджъ-Дзин'омъ, онъ лишается всѣхъ человѣческихъ чувствъ, не испытываетъ ни жалости, ни страха, ни любви, ни состраданія. „Стой!“ воскликнулъ я невольно, когда его слова вызвали во мнѣ воспоминаніе о равнодушіи при видѣ отчаянія моей сестры. „Стой!... но нѣтъ, безуміемъ было бы обращать вниманіе и дѣлать выводы изъ вашихъ дикихъ рѣчей... но если вы все это считаете такимъ опаснымъ, почему посоветовали вы мнѣ позвать вашего Іамабуши?“ прибавилъ я насмѣшливо.

„Потому что не было бы никакого зла, если бы вы сдержали обѣщаніе и подвергнули себя очищенію“, послѣдовалъ грустный и смиренный отвѣтъ. „Я желалъ вамъ добра, другъ, и сердце мое истекало кровью, видя какъ вы страдаете день за днемъ. Сдѣланное надъ вами

совершенно безвредно, если это дѣлается *знающимъ*, и становится опаснымъ только въ томъ случаѣ, если послѣдующія предосторожности не выполнены. Тотъ же учитель „ясновидѣнія“, который раскрылъ входъ въ вашу душу, долженъ и закрыть его, налагая Печать Очищенія въ защиту отъ дальнѣйшихъ вторженій...

„Учитель ясновидѣнія! какъ бы ни такъ“! грубо прервалъ я его, „скажите лучше, учитель мошенничества“! Страдальческій взглядъ на его добромъ старомъ лицѣ былъ до того мучителенъ, что я понялъ наконецъ, какъ далеко я зашелъ, но было уже поздно.

„Въ такомъ случаѣ—прощайте“, сказалъ бонза, поднимаясь,—и совершивъ въ молчаніи, полномъ достоинства, всѣ церемоніи вѣжливости, Тамоора покинулъ мой домъ.

VI.

Я отправляюсь—но не одинъ.

Черезъ нѣсколько дней я отплылъ въ дальній путь, но не видалъ болѣе своего друга бонзу. Очевидно въ тотъ незабвенный для меня вечеръ, онъ былъ серьезно оскорбленъ моимъ дерзкимъ отношеніемъ къ тому, кого онъ такъ глубоко чтилъ. Меня это огорчало, но колесо страстей и гордости вращалось съ такою силою въ моей душѣ, что не допускало и минуты раскаянія, а между тѣмъ не прошло и недѣли, какъ я долженъ былъ вспомнить всѣ его предостереженія.

Со дня моего опыта съ магическимъ зеркаломъ я замѣтилъ большую перемену во всемъ своемъ состояніи, но въ началѣ я приписывалъ ее душевному угнетенію, которое давило меня столько мѣсяцевъ къ ряду. Днемъ я очень часто ловилъ себя на томъ, что теряю временно изъ виду всѣ окружающіе предметы, въ томъ числѣ и ѣхавшихъ со мной людей. Ночи я проводилъ чрезвычайно тревожно. Мои сны были тягостны, а по временамъ и, ужасны. Я всегда переносилъ очень хорошо морскія поѣздки; кромѣ того, погода была превосходная, и океанъ спокоенъ какъ озеро, и, несмотря на это, я часто испытывалъ странныя головокруженія; въ такія минуты знакомыя мнѣ лица пассажировъ принимали самыя фантастическія очертанія. Такъ, одинъ молодой нѣмецъ, съ которымъ я былъ и ранѣе хорошо знакомъ, преобразился передо мной въ своего стараго отца, котораго мы вмѣстѣ съ нимъ похоронили на маленькомъ европейскомъ кладбищѣ Кіото три года передъ тѣмъ. Мы разговаривали съ нимъ на палубѣ о покойномъ и объ одномъ изъ его дѣловыхъ распоряженій, какъ вдругъ голова

Макса Грюнера покрылась какой то странной пленкой; густой, сѣрый туманъ окружилъ его, и все болѣе сгущаясь вокругъ его здороваго лица, преобразился вдругъ въ страшную мертвую голову его отца, которую я самъ видѣлъ опущенной въ могилу на глубину шести футъ подъ землей. Въ другой разъ, когда капитанъ говорилъ объ одномъ ворѣ изъ малайцевъ, котораго онъ помогъ запереть въ тюрьму, я увидѣлъ рядомъ съ нимъ гнусное лицо, вполне отвѣчавшее его описанію. Я никому не говорилъ о своихъ галлюцинаціяхъ; но по мѣрѣ того какъ онѣ все болѣе учащались, я сильно встревожился, хотя продолжалъ приписывать ихъ естественнымъ причинамъ, о которыхъ читалъ въ медицинскихъ книгахъ. Однажды ночью я былъ внезапно разбуженъ громкимъ крикомъ отчаянія. Это былъ женскій голосъ, выразившій ужасъ и словно призывавшій на помощь. Проснувшись, я очутился на землѣ въ странной незнакомой мнѣ комнатѣ. И я увидалъ страшную картину насилія. У запертой двери притаилась старая женщина, которую я немедленно узналъ: это было лицо еврейки, взявшей къ себѣ мою племянницу въ сновидѣніи, которое такъ потрясло меня въ Кіото. Она очевидно сторожила, принимая дѣятельное участіе въ подломъ преступленіи, но кто же была жертва? О ужасъ, невыразимый словами! Когда, придя въ нормальное состояніе, я постигъ все видѣнное, я понялъ, что то была моя собственная дѣвочка—племянница...

Но какъ и въ первомъ моемъ видѣніи, я не испытывалъ никакой боли, которую чувствуешь при видѣ страданія любимыхъ и близкихъ людей; лишь одно мужское негодованіе противъ гадкаго насилія. Я бросился на негодея, схватилъ его съ могучей силой, но онъ повидимому даже и не замѣчалъ моего присутствія. Тогда я удвоилъ усилія, бросился на него и началъ душить его. Только тутъ я замѣтилъ въ первый разъ, что и самъ я—тѣнь, и схваченный мною человѣкъ—такая же тѣнь...

Мои громкіе крики и проклятія разбудили весь пароходъ. Ихъ приписали кошмару, и я никому не рассказывалъ своихъ переживаній; но, начиная съ этого дня, моя жизнь превратилась въ сплошную нравственную пытку. Едва я закрывалъ глаза, какъ дѣлался свидѣтелемъ какого-нибудь ужаснаго дѣла, какой-нибудь сцены страданія, смерти или преступленія; то въ прошломъ, то въ настоящемъ, а иногда и въ будущемъ, какъ я убѣдился позднѣе. Словно какой то издѣвающійся врагъ взялъ на себя задачу показывать мнѣ все злобное, звѣриное, безнадежное, что творится въ этомъ мірѣ бѣдствій. Ни единый лучъ красоты или добра не освѣщалъ этихъ картинъ страданія и преступленія, при которыхъ я былъ осужденъ присутствовать. Сцены убійства, измѣны и разврата проходили постоянно передъ моимъ внут-

реннимъ взоромъ, и я долженъ былъ смотрѣть на самыя низкія проявленія человѣческихъ страстей.

Неужели же Тамооро предвидѣлъ всѣ мои тяжкія переживанія, когда говорилъ о Даиджъ-Дзинъ, для которыхъ я оставилъ „входъ“, „открытую дверь“ внутри себя? Вздоръ! Навѣрно какое-нибудь фізіологическое ненормальное состояніе. Какъ только я пріѣду въ Нюренбергъ и успокоюсь относительно своихъ, всѣ эти видѣнія исчезнутъ сами собою. Самый фактъ, что мое воображеніе работаетъ въ *одномъ* направленіи, рисуя постоянно картины страданія и худшихъ человѣческихъ страстей, доказываетъ ихъ нереальность.

„Если, какъ вы говорите, человѣкъ состоитъ только изъ одной матеріи, доступной физическомъ чувствамъ, и если всѣ виды сознанія лишь результатъ молекулярнаго движенія мозга, въ такомъ случаѣ насъ должно бы привлекать одно матерьяльное, земное“... Мнѣ казалось, что я слышу знакомый голосъ бонзы Тамоора, прервавшего мои размышленія и повторяющаго одинъ изъ своихъ обычныхъ аргументовъ въ спорахъ со мной.

„Человѣкъ видитъ на двухъ планахъ“, снова услыхалъ я его голосъ. „На планѣ безсмертной любви и духовныхъ стремленій, исходящихъ изъ вѣчнаго Свѣта; и на планѣ тревожной, вѣчно мѣняющейся матеріи, въ излученіяхъ которой купаются вводящіе въ заблужденіе Даиджъ-Дзин'ы“.

VII.

Вѣчность въ одномъ короткомъ сновидѣніи.

Въ тотъ періодъ своей жизни я не допускалъ даже на минуту нелѣпой вѣры въ какихъ бы то ни было духовъ, какъ добрыхъ такъ и злыхъ. Теперь я понялъ, что такое подразумѣвается подъ этимъ терминомъ, хотя и продолжалъ надѣяться, что все это окажется въ концѣ концовъ физическимъ разстройствомъ или нервной галлюцинаціей. Чтобы укрѣпить еще болѣе свое невѣріе, я старался припомнить всѣ аргументы, когда-либо слышанные мною, направленные противъ подобнаго суевѣрія. Я припоминалъ ѣдкіе сарказмы Вольтера, спокойныя разсужденія Юма и повторялъ до тошноты слова Руссо, сказавшаго, что противъ суевѣрія, этого „разрушителя общества“, мы обязаны бороться изо всѣхъ силъ.

Однажды старый капитанъ рассказывалъ намъ различныя суевѣрія, распространенныя между моряками; величественный англійскій мис-

сiонеръ замѣтилъ, что Фильдингъ давно уже высказалъ, до какой степени суевѣріе „дѣлаетъ человѣка глупцомъ“, послѣ чего онъ поколебался на мгновение и внезапно замолчалъ. Я смотрѣлъ на почтеннаго миссiонера; когда онъ произносилъ эту цитату, я увидалъ въ окружающей его вибрирующей аурѣ, которую я началъ видѣть почти постоянно вокругъ всѣхъ людей, продолженіе Фильдинговой цитаты „*а скептицизмъ дѣлаетъ его умалишеннымъ*“. Я слышалъ не разъ отъ людей, претендующихъ на ясновидѣніе, что они видятъ мысли людей, отпечатлѣнные на ихъ аурѣ. Теперь у меня былъ личный опытъ, подтверждающій ихъ претензію, и открытіе это было для меня чрезвычайно тяжело. Я—ясновидящій! Новая тяжесть придавила мою жизнь, прибавился нелѣпый и смѣшной даръ, который я долженъ скрывать отъ всѣхъ, стыдясь его какъ проказы. Въ эти минуты моя ненависть къ Іамабуши не знала предѣловъ: вѣдь это онъ своими манипуляціями, въ то время какъ я лежалъ безъ сознанія, затронулъ какую-нибудь неизвѣстную пружину въ моемъ мозгу и, растянувъ ее, вызвалъ способность, обыкновенно скрытую въ человѣческой организаціи!

Но и гнѣвъ мой и мои проклятія были одинаково безцѣльны. Къ тому же мы уже подходили къ европейскимъ морямъ, и черезъ нѣсколько дней должны были высадиться въ Гамбургъ. И тогда всѣ мои сомнѣнія придутъ къ концу и я докажу, что хотя ясновидѣніе, въ смыслѣ чтенія человѣческихъ мыслей на ближайшемъ разстояніи, и имѣетъ за собой нѣчто дѣйствительное, но возможность узнавать на далекомъ разстояніи прошедшія событія, какъ въ моихъ сновидѣніяхъ, вещь совершенно невозможная для человѣческихъ способностей. И что же? Несмотря на всѣ эти разсужденія, сердце мое отчаянно болѣло и было полно самыхъ мрачныхъ предчувствій: я чувствовалъ, что приближается нѣчто роковое.

Наканунѣ прибытія въ портъ я видѣлъ сонъ: я видѣлъ себя мертвымъ; мое тѣло лежало холодное и окоченѣлое, а умирающее сознаніе готовилось черезъ нѣсколько мгновений погаснуть совсѣмъ. Я всегда думалъ, что мозгъ долженъ послѣднимъ изъ всѣхъ человѣческихъ органовъ прекращать свою дѣятельность, что мысль на нѣсколько мгновений должна переживать остального человѣка. Поэтому я нисколько не удивился, что въ моемъ сновидѣніи тѣло уже перешло черезъ ту страшную пропасть „откуда смертный не возвращается во вѣкъ“, тогда какъ сознаніе все еще оставалось въ сѣромъ полусвѣтѣ, предшествующемъ великой Тайнѣ. Такимъ образомъ, моя мысль, связанная, какъ мнѣ казалось, съ остатками исчезающей жизненной силы, слѣдила съ любопытствомъ за приближеніемъ своего собственнаго разрушенія, т. е. *уничтоженія*. „Я“ спѣшило отмѣтить мои послѣднія впечатлѣнія, пре-

жде чѣмъ темный покровъ вѣчнаго забвенія закроетъ меня навсегда, прежде чѣмъ Я испытаю *торжество* подтвержденія всѣхъ моихъ убѣжденій и того, что смерть есть полное прекращеніе сознательнаго бытія. Темнота вокругъ меня росла съ каждой минутой. Передо мною двигались сѣрыя большія тѣни, въ началѣ медленно, затѣмъ движеніе ихъ все ускорялось и подъ конецъ онѣ закружились въ вихревомъ движеніи головокружительной быстроты. Затѣмъ словно движеніе ихъ служило только для сгущенія темноты—оно стало все болѣе замедляться а когда темнота превратилась въ абсолютную темноту, движеніе прекратилось и совсѣмъ. Теперь передо мною не было ничего, кромѣ чернаго, неизмѣримаго Пространства; и оно представлялось мнѣ столь же безграничнымъ и безмолвнымъ, какъ океанъ Вѣчности, надъ которымъ Время, созданіе человѣческаго мозга, скользитъ безостановочно, безсильное переплыть черезъ него.

Сновидѣнія опредѣляются Катонъ какъ „образъ нашихъ надеждъ и опасеній“. Никогда не страдавшій страхомъ смерти, я чувствовалъ себя спокойнымъ и яснымъ предъ предстоявшимъ концомъ. Я даже радовался своему скорому избавленію отъ непрерывной тоски, которая непрестанно грызла мое больное сердце въ теченіе томительныхъ мѣсяцевъ и подъ конецъ стала невыносимой; и если—какъ Сенека думаетъ: „смерть лишь прекращеніе того, чѣмъ мы были“, въ такомъ случаѣ лучше всего было для меня умереть. Тѣло уже умерло; „я“, т. е. его сознаніе, готовится послѣдовать за нимъ. Мысль начнетъ постепенно работать все слабѣе, туманнѣе, пока полное забвеніе не охватитъ меня своимъ холоднымъ саваномъ.

Желанна для Меня таинственная рука Смерти, великаго Міроваго Утѣшителя; глубокъ и безмятеженъ сонъ въ его нерасторжимыхъ объятіяхъ... Тихая пристань среди бушующихъ волнъ жизненнаго океана, шумный прибой которыхъ вотще разбивается о скалистую твердыню Смерти. Счастливъ тотъ одинокій челнъ, который, послѣ страшной борьбы на свирѣпыхъ волнахъ земной жизни, достигъ наконецъ тихихъ водъ ея черной бездны. Прижрѣпленная навсегда, не нуждающаяся ни въ парусѣ, ни въ рулѣ, моя ладья найдетъ тамъ вѣчный покой. Привѣтствую тебя, Смерть-избавительница, и прощай несчастное тѣло, давно уже не знающее ничего иного, кромѣ страданія!...

Произнося этотъ гимнъ смерти, я наклонился надъ распростертымъ тѣломъ своимъ и сталъ разсматривать его съ любопытствомъ. Чувствуя, какъ окружающая темнота давила на меня со всѣхъ сторонъ, я вообразилъ, что ко мнѣ приближается желанный Освободитель. А между тѣмъ... какъ странно! Если послѣ смерти умираетъ *все* мое „я“, слѣдовательно и сознаніе; почему же оно не блѣднѣетъ, по-

чему мой *мозгъ* работаетъ энергичнѣе, чѣмъ когда либо... между тѣмъ какъ самъ я вѣдь умеръ? И обычное чувство тоски не уменьшается; наоборотъ, оно становится еще сильнѣе... до невыразимой степени!.. Когда же придетъ забвеніе?... Ахъ, вотъ опять мое тѣло!.. Исчезнувшее изъ вида на одну секунду, оно вновь появляется передо мной. Какое оно блѣдное и страшное! А между тѣмъ его мозгъ еще не умеръ, такъ какъ „я“, его сознаніе, все еще дѣйствую, такъ какъ оба мы живемъ и мыслимъ, оторванные отъ нашего создателя и его мысль-творящихъ Клѣтокъ...

И вдругъ меня охватило сильное желаніе узнать, въ какой моментъ разложенія будетъ наложена послѣдняя печать на мозгъ и его дѣятельность. Я сталъ разсматривать свой мозгъ во всѣхъ головныхъ впадинахъ сквозь совершенно прозрачныя (для меня) кости черепа и даже *потрогалъ* мозговое вещество... Какъ, и какими руками, я не могу теперь сказать, но ощущеніе липкой, необычайно холодной матеріи произвело на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Къ великому моему смущенію я убѣдился, что кровь окончательно застыла, а такъ какъ мозговые волокна не могли при этихъ условіяхъ развивать молекулярную дѣятельность, я совершенно пересталъ понимать то, что происходило со мной. Но у меня не было времени, чтобы предаваться размышленіямъ. Новая и совершенно необыкновенная переменна въ моихъ ощущеніяхъ поглотила все мое вниманіе... что это такое?..

Та же тьма была вокругъ меня, какъ и раньше, черное, непроницаемое пространство, простирающееся во всѣхъ направленіяхъ. Но теперь, прямо передо мной, въ какомъ бы направленіи я ни глядѣлъ, передвигаясь вмѣстѣ со мною, куда бы я ни двинулся, повисли гигантскіе круглые часы; огромный дискъ, широкое, до ужаса, бѣлое лицо котораго зловѣще свѣтлѣло на черномъ фонѣ.

Когда я посмотрѣлъ на его огромный циферблатъ и на маятникъ, качавшійся взадъ и впередъ, медленно и мѣрно, словно его взмахи раздѣляли вѣчность, я увидалъ, что его стрѣлки показывали *семь минутъ шестого*. „Тотъ самый часъ, въ который началась моя пытка въ Кіото!“ только что успѣлъ я это подумать, какъ къ моему неизобразимому ужасу я почувствовалъ то же самое, что и въ тотъ роковой часъ; я поплылъ подъ землю, быстро подвигаясь впередъ внутри ея состава; я снова былъ въ той же могилѣ и снова узнавалъ мужа моей сестры въ искалѣченныхъ остаткахъ; я былъ свидѣтелемъ его ужасной смерти; входилъ въ домъ моей сестры; видѣлъ всю ея агонію, и какъ она сошла съ ума. Я проходилъ черезъ тѣ же самыя сцены, не пропустивъ ни единой подробности. Но увы, я уже не былъ тѣмъ безразличнымъ существомъ, которое въ первомъ моемъ видѣніи оста-

валось также равнодушно, какъ кусокъ скалы. Мои нравственныя мученія были выше всякаго описанія и становились почти невыносимы. О, какъ я страдалъ среди всѣхъ этихъ ужасовъ, въ ряду которыхъ увѣренность въ посмертномъ существованіи—ибо *въ этомъ* сновидѣніи я твердо вѣрилъ, что мое тѣло умерло—прибавляло самое устрашающее изъ всѣхъ переживаній!

Сравнительное облегченіе, которое я почувствовалъ, когда на смѣну картинамъ страданія появилось большое бѣлое лицо циферблата, длилось недолго. Длинная заостренная стрѣлка на колоссальномъ дискѣ указывала на *семь съ половиной минутъ шестого*. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ подумать о происшедшей переимѣнѣ, стрѣлка медленно передвинулась назадъ и остановилась какъ разъ на семи минутахъ и, о проклятіе!.. я снова былъ принужденъ повторять все сначала! Снова я плылъ подъ землею и видѣлъ, и слышалъ, и переносилъ всѣ пытки, какія только могутъ существовать въ аду; я возвращался назадъ только для того, чтобы снова видѣть, какъ на роковомъ дискѣ, послѣ перенесенныхъ страданій, которыя казались мнѣ вѣчностью, стрѣлка передвигалась ровно на полминуты впередъ. Я смотрѣлъ на нее и видѣлъ съ усиливающимся ужасомъ, какъ она снова двигалась назадъ, меня же, одновременно съ этимъ движеніемъ, гнало снова впередъ. И такъ продолжалось разъ за разомъ, въ безконечной послѣдовательности, которая, казалось, не имѣла начала и никогда не будетъ имѣть конца...

Хуже того: мое сознаніе, мое „я“ приобрѣло удивительную способность утраиваться, учетверяться и даже удесятеряться. Я жилъ, чувствовалъ и страдалъ въ одно и то же время въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ, переживая событія изъ моей собственной жизни, происходившія въ разныя эпохи и при различныхъ условіяхъ, хотя господствовало надо всѣмъ остальнымъ мое *духовное* переживаніе въ Кіото. Какъ въ знаменитой фугѣ Don Giovanni сердце надрывающіе звуки трагической аріи Эльвиры звучатъ *надъ* мелодіей, не сливаясь ни съ минуэтомъ, ни съ пѣсней соблазна, ни съ хорами, такъ и я переживалъ снова и снова мои скорби, повтореніе которыхъ не утоляло ни на іоту ощущеніе невыразимаго отчаянія и ужаса... но и ужасъ этотъ ничуть не ослаблялъ тѣ картины и событія, не имѣвшія съ нимъ ничего общаго, ничѣмъ несвязанныя съ нимъ, которыя я переживалъ одну за другой: это было нѣчто граничившее съ безуміемъ! Рядъ фантазмагорій изъ реальной жизни. Въ теченіе одной и той же полминуты я могъ присутствовать съ *холоднымъ вниманіемъ* при сценѣ сумашествія моей сестры и чувствовать въ то же время адскія муки, какія я переживалъ по поводу того же событія, приходя въ со-

знаніе; или слушать философскія разсужденія бонзы и презрительно пробовать смѣяться надъ нимъ; или чувствовать себя ребенкомъ, юношей, слушающимъ любимые голоса моей матери и моей дорогой сестры, получающими меня, какъ слѣдуетъ себя вести съ ближними; или спасти утопавшаго друга и въ то же время издѣваться надъ его старымъ отцомъ, который благодарилъ меня за спасеніе „души“, еще неготовой предстать передъ своимъ Создателемъ.

„Говорите послѣ этого о *двойственномъ* сознаніи вы, психо-физиологи!“ крикнулъ я въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда нравственная агонія достигла такой напряженности, которая могла бы убить цѣлую дюжину живыхъ людей. „Говорите о вашихъ психологическихъ экспериментахъ, ученые мужи, надутые гордостью и книжной мудростью! Я докажу вашу ложь...“ и я начиналъ цитировать ученія произведенія и спорить съ профессорами и лекторами, которые привели меня къ этому фатальному скептицизму. И въ то же время, какъ я доказывалъ невозможность сознанія, разлученнаго съ мозгомъ, я плакалъ кровавыми слезами надъ предполагаемой судьбой моихъ несчастныхъ племянниковъ. Болѣе того: *я зналъ, какъ только можетъ знать освобожденное сознаніе* что все видѣнное мной въ Японіи и все, что я видѣлъ и слышалъ снова и снова, было вѣрно во всѣхъ подробностяхъ, что это была длинная нить страшныхъ, и въ то же время дѣйствительныхъ фактовъ.

Въ сотни, можетъ быть, разъ мое вниманіе приковывалось къ стрѣлкѣ часовъ, и я уже терялъ счетъ своимъ круговращеніямъ и приходилъ къ заключенію, что сознаніе въ концѣ концовъ неразруσιμο и что такъ должны чувствовать себя осужденные грѣшники—„если бы вѣчныя мученія не были логически и математически невозможны въ вѣчно прогрессирующей вселенной“ — все же находилъ я силу для новыхъ разсужденій. Странно, а между тѣмъ въ этотъ часъ все растущей агоніи мое сознаніе продолжало возмущаться и отрицать все, кромѣ себя...

Нѣтъ, независимое существованіе своего сознанія я болѣе уже не отрицалъ, но будетъ ли оно со всѣмъ тѣмъ существовать *вѣчно*? О, непостижимая, вѣчно устрашающая Реальность! Но если ты существуешь вѣчно, кто же ты? Откуда приходишь ты, и гдѣ твое начало, если ты не часть этого окоченѣлаго трупа? И куда ведешь ты меня, который есть ты сама, и будетъ ли когда либо конецъ нашимъ мыслямъ и нашему воображенію? И каково истинное имя твое, о неисповѣдимая Реальность и непроницаемая Тайна! Да, я уничтожилъ бы тебя, если бы могъ... „Видѣніе души!..“ Кто говоритъ о душѣ и чей это голосъ? Это ложь. Моя душа, духъ жизни во мнѣ умеръ вмѣстѣ съ

сѣрымъ веществомъ мозга. А что это мое „я“, это сознаніе будетъ существовать вѣчно, это еще не доказано для меня... Перевоплощеніе въ дѣйствительность котораго бонза такъ стремился убѣдить меня, можетъ быть и существуетъ... почему нѣтъ? Развѣ цвѣтокъ не распускается изъ года въ годъ отъ того же корня? Отсюда слѣдуетъ, что это я, отдѣленное отъ своего мозга, потерявшее свое равновѣсіе, и вызывающее такой сонмъ видѣній... до перевоплощенія... Я снова очутился лицомъ къ лицу съ неумолимыми часами, и пока я слѣдилъ за ихъ стрѣлками, я услыхалъ голосъ бонзы, исходящій изнутри бѣлаго циферблата: „въ этомъ случаѣ—Я боюсь—вамъ придется лишь открывать и закрывать двери храма снова и снова въ теченіе періода, который вамъ покажется цѣлой вѣчностью...“

Часы исчезли, тьма замѣнилась свѣтомъ, голосъ моего стараго друга потонулъ въ многочисленныхъ голосахъ, раздававшихся съ палубы, и я проснулся на своей койкѣ, покрытый холоднымъ потомъ и совсѣмъ измученный.

Глава VIII.

Скорбная повѣсть.

Мы высадились въ Гамбургъ, и едва я успѣлъ увидеть своихъ компаньоновъ, какъ, напутствуемый ихъ добрыми пожеланіями, отправился въ Нюренбергъ. Черезъ полчаса послѣ моего прибытія послѣднее сомнѣніе въ точности моихъ видѣній исчезло. Дѣйствительность оказалась хуже самыхъ мрачныхъ моихъ ожиданій. Мужъ моей сестры, раздавленный въ колесахъ машины, моя сумасшедшая сестра, быстро приближавшаяся къ концу своей жизни; моя племянница, чудный, еле распустившійся цвѣтокъ, обезчещенная въ гнусной берлогѣ, младшія дѣти, погибшія отъ заразной болѣзни въ пріютѣ для сиротъ; мой единственный выжившій племянникъ, исчезнувшій безъ вѣсти...

Все, что я любилъ — погибшее и развѣянное, и я одинъ остался въ живыхъ, чтобы быть свидѣтелемъ смерти, отчаянія и безчестія. Ударъ былъ слишкомъ силенъ, и я лишился сознанія. Послѣднее, что уловила моя мысль — были слова бургомистра: „Если бы вы, покидая Кіото, протелеграфировали властямъ Нюренберга о вашемъ намѣреніи принять участіе въ осиротѣвшихъ дѣтяхъ, мы размѣстили бы ихъ иначе, и они избѣгли бы своей тяжелой участи. Они переселились не очень давно въ Нюренбергъ; никто не зналъ, что у дѣтей есть родственникъ съ обезпеченнымъ состояніемъ. Они остались безъ всякихъ средствъ и

при этихъ обстоятельствахъ нельзя и претендовать на иныя распоряженія... Я могу только высказать искреннее сожалѣніе“...

Если бы я послушался дружескаго совѣта бонзы Тамоора и телеграфировалъ властямъ послѣ того видѣнья въ Кіото, я бы спасъ, по крайней мѣрѣ, мою дорогую племянницу отъ ея тяжелой судьбы. Это сознаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ фактомъ, что я не могъ болѣе сомнѣваться въ ясновидѣніи и яснослышаніи, возможность которыхъ я такъ долго отрицалъ—все это вмѣстѣ раздавило меня. Людского осужденія я могъ избѣгнуть, но не угрызений совѣсти, не упрековъ моего собственнаго больного сердца, и это навсегда, до послѣдней секунды моей жизни! Я проклиналъ мой упорный скептицизмъ, мое отрицаніе фактовъ, мое воспитаніе, я проклиналъ и себя, и весь міръ...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока я устраиwалъ свою несчастную сестру и племянницу и добивался наказанія старой еврейки, я еще держался на ногахъ, но затѣмъ силы покинули меня. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я находился между жизнью и смертью, въ когтяхъ нервной горячки. Подъ конецъ мой сильный организмъ преодолѣлъ, и, къ величайшему моему горю, меня объявили внѣ опасности. Возвратъ къ жизни привелъ меня въ отчаяніе и, конечно, не къ утоленію этого отчаянія послужило немедленное возвращеніе—въ первые же дни моего выздоровленія, тѣхъ непрошенныхъ видѣній, реальность и вѣрность которыхъ я не могъ уже болѣе отрицать. Такимъ образомъ, каждый разъ, когда я оставался хотя бы на минуту одинъ, я испытывалъ безпомощную пытку прикованнаго Прометея. Въ тихіе ночные часы, словно приведенный какой-то безжалостной желѣзной рукой, я снова находился у постели сестры, принужденный слѣдить за медленнымъ умираніемъ ея ослабленнаго организма, переживать тѣ мученія, которыя ея собственный опустошенный мозгъ не могъ уже болѣе отражать. Этого мало: я долженъ былъ день за днемъ смотрѣть на невинное лицо моей молодой племянницы, до того дѣтское и незапятнанное, несмотря на все случившееся, а ночью быть свидѣтелемъ, какъ воспоминаніе о безчестіи, навсегда отравившимъ ея молодую жизнь, возвращалось къ ней немедленно, какъ только она засыпала. Ея сны принимали для меня объективную форму, какъ тогда, на пароходѣ; я долженъ былъ переживать ихъ ночь за ночью и каждый разъ испытывать то же безпредѣльное отчаяніе. Ибо теперь, когда я *вѣрилъ* въ реальность ясновидѣнія и пришелъ къ заключенію, что въ нашемъ тѣлѣ скрыто нѣчто, какъ въ гусеницѣ куколка, которая въ свою очередь заключаетъ въ себѣ бабочку, символъ души, — съ этихъ поръ все мое прежнее равнодушіе къ моимъ душевнымъ переживаніямъ исчезло навсегда. Нѣчто раскрылось во мнѣ, какъ бы внезапно освободилось изъ

своего окоченѣлаго кокона. Для меня стало очевиднымъ, что я видѣлъ уже не благодаря отождествленію моей внутренней сути съ Даиджъ-Дзин'омъ; теперь мои видѣнія возникали благодаря личному психическому развитію, тогда какъ вражеская сила заботилась лишь о томъ, чтобы я не видѣлъ ничего отраднаго и возвышающаго душу. Теперь всѣ страданія моихъ близкихъ находили горячій откликъ въ моемъ кровью исходящемъ сердцѣ. Глубокій родникъ любви и скорби хлынулъ изъ моего земного сердца, отдаваясь въ моей пробужденной и освобожденной изъ тѣла душѣ. Такъ суждено мнѣ было испить всю чашу страданій до послѣдней капли... О, какъ я скорбѣлъ надъ своимъ гордымъ безуміемъ, которое заставило меня отказаться отъ предложеннаго „очищенія“... Да, я дошелъ до того, что повѣрилъ даже и въ это... Даиджъ-Дзинъ дѣйствительно приобрѣлъ власть надо мной, и врагъ спустилъ самыхъ свирѣпыхъ псовъ со всего ада на свою жертву. Наконецъ, разверстая пропасть закрылась передо мною. Несчастную мученицу, мою сестру, опустили въ темную могилу, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ за нею послѣдовала и ея молодая дочь. Чахотка быстро разрушила молодое нѣжное тѣло. Не прошло и года послѣ моего возвращенія, какъ я остался одинъ на всемъ свѣтѣ;—единственный оставшійся въ живыхъ племянникъ отправился въ кругосвѣтное плаванье.

Теперь мнѣ остается рассказать немного, лишь грустный конецъ моей грустной исторіи. Превратившійся въ калѣку, имѣя въ тридцать лѣтъ видъ шестидесятилѣтняго старика, и, благодаря никогда не прекращавшимся видѣніямъ, приближавшійся къ границамъ безумія, я остановился внезапно на отчаянномъ рѣшеніи. Я рѣшился вернуться въ Кіото, найти Іамабуши, пасть къ ногамъ святого человѣка и не отставать отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не вернетъ меня въ прежнее состояніе.

Черезъ три мѣсяца я былъ снова въ своемъ японскомъ домѣ; разыскалъ своего стараго, почтеннаго друга, Тамоора Хидейери, умоляя его отвести меня къ Іамабуши. Его отвѣтъ наложилъ послѣднюю печать на мою роковую судьбу. Іамабуши покинулъ страну, отправившись въ благочестивое странствованіе, которое, по обычаямъ его ордена, должно было длиться не менѣе семи лѣтъ.

Въ своемъ отчаяніи я обращался къ помощи другихъ мудрыхъ Іамабуши, но это не послужило ни къ чему: никакой другой „адептъ“ не могъ принести мнѣ исцѣленія. Я узналъ отъ нихъ, что только тотъ, который вызвалъ Даиджъ-Дзин'а, можетъ имѣть власть надъ этимъ демономъ ясновидящаго одержанія. Съ глубокимъ милосердіемъ, которое я только теперь научился цѣнить, святые люди предложили мнѣ присоединиться къ группѣ ихъ учениковъ для того, чтобы узнать все, что

можетъ помочь мнѣ. „Только ваша собственная воля и вѣра въ ваши душевныя силы могутъ помочь вамъ“, говорили они. „Но понадобится нѣсколько лѣтъ, чтобы уничтожить хотя бы часть великаго зла, прибавляли они. „Даиджъ-Дзин'а легко удалить вначалѣ; если же его оставить, онъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка и почти невозможно искоренить врага, не уничтоживъ при этомъ и его жертву.“

Видя, что мнѣ не оставалось ничего иного, я съ благодарностью принялъ ихъ предложеніе, и изъ всѣхъ силъ старался повѣрить всему тому, чему эти святые люди вѣрили. Но старанія эти оказались тщетными: духъ отрицанія и сомнѣнія укоренился во мнѣ глубже даже, чѣмъ Даиджъ-Дзинъ. И все же я рѣшилъ не упускать этотъ послѣдній шансъ на спасеніе и принялся за приведеніе въ порядокъ всѣхъ своихъ житейскихъ обязательствъ: я раздѣлался съ своими гамбургскими компаньонами, сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу своего племянника—на случай, если бы онъ возвратился изъ своего плаванія, оставивъ для своихъ личныхъ потребностей ничтожную часть своего, оказавшагося очень значительнымъ, состоянія, и то по настоянію своихъ друзей. Я зналъ теперь вмѣстѣ съ Лао-Тзе, что *знаніе*—единственная крѣпкая опора, которой можетъ довѣриться человѣкъ, что она одна не разбиваема никакими бурями. Богатство—слабый якорь въ дни скорби, а сомнѣніе—самый роковой изъ всѣхъ совѣтчиковъ. Устроивъ свои земныя дѣла, я присоединился къ „Учителямъ Дальняго Видѣнія“, которые приняли меня въ свое таинственное мѣстопробываніе. Тамъ я оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, серьезно изучая ихъ науку въ полнѣйшемъ уединеніи, не видя никого, кромѣ нѣсколькихъ членовъ нашей религіозной общины.

Много тайнъ природы постигъ я съ тѣхъ поръ. Много поглотилъ тайныхъ фоліантовъ изъ бібліотеки Тзіон-ене и приобрѣлъ, благодаря этому, власть надъ нѣсколькими видами невидимыхъ существъ низшаго порядка. Но приобрести тайну власти надъ страшнымъ Даиджъ-Дзин'омъ я такъ и не могъ. Тайной этой владѣтъ очень ограниченное число Посвященныхъ Лао-Тзе, и большая часть самихъ Іамабуши не знали, какъ овладѣть этимъ опаснымъ элементомъ. Чтобы приобрести такую власть, мнѣ нужно было отождествиться вполне съ Іамабуши, проникнуться ихъ вѣрованіями и достигнуть высшей ступени Посвященія. Естественно, что я оказался неспособнымъ на это, не говоря уже о моемъ неискоренимомъ скептицизмѣ, хотя я искренно старался повѣрить. Такимъ образомъ, облегченный отчасти отъ моихъ страданій и наученный, какимъ образомъ удалять отъ себя непрошенныя видѣнія, я все же и до сихъ поръ не въ состояніи предупредить ихъ непрошенное появленіе, которое повторяется отъ времени до времени. Относи-

тельно святого человека, который былъ первой невинной причиной моего несчастія, я не могъ узнать ничего. И самъ старый бонза, навѣщавшій меня въ моемъ уединеніи, не могъ, или не хотѣлъ указать мнѣ мѣстопробыванія Іамабуши. Когда исчезла всякая надежда на то, что я когда-либо буду освобожденъ отъ моего рокового дара, я рѣшилъ вернуться въ Европу и поселиться въ одиночествѣ на весь остатокъ моей жизни. Съ этой цѣлью я купилъ съ помощью моихъ прежнихъ компаньоновъ швейцарское шалэ, въ которомъ родились и я, и моя покойная сестра, въ которомъ я росъ, окруженный ея нѣжными заботами; его я и выбралъ для своего послѣдняго земного жилища.

Прощаясь со мной навсегда на палубѣ корабля, увозившаго меня на родину, добрый бонза старался утѣшить меня и примирить съ моими разочарованіями. „Сынъ мой, сказалъ онъ, смотрите на все случившееся съ вами, какъ на *вану карму*—какъ на справедливое возмездіе. Ни одинъ человекъ, подвергнувшій себя добровольно власти одного изъ Даиджъ-Дзин'овъ, не можетъ надѣяться стать когда-либо Архатомъ (Адептомъ), не подвергнувшись немедленному очищенію. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ добиться—какъ сдѣлали это вы—способности противодѣйствовать своему врагу. *Подобно шраму, оставленному послѣ себя ядовитой раной, слѣды Даиджъ-Дзин'а не могутъ никогда быть стерты съ души, пока она не очистится новымъ рожденіемъ.* И все же, не унывайте и не тяготитесь вашимъ положеніемъ: оно повело васъ къ познанію и къ принятію многихъ истинъ, которыя иначе вы отвергли бы съ презрѣніемъ. Этого же безцѣннаго познанія, пріобрѣтеннаго страданіемъ и личными усиліями, ни одинъ Даиджъ-Дзинъ не можетъ лишить васъ никогда! Прощайте же, и да будетъ надъ вами помощь и защита Матери Милосердія, великой Царицы Небесной“.

Мы разстались, и съ тѣхъ поръ я веду жизнь отшельника въ непрерываемомъ одиночествѣ, никогда не переставая учиться. Хотя у меня отъ времени до времени еще бываютъ тяжелые дни, я никогда не жалѣю о годахъ, проведенныхъ у Іамабуши, и глубоко благодаренъ имъ за полученныя знанія.

Съ Тамоора Хидейери, искренно почитаемымъ мною, я постоянно переписывался до самаго дня его смерти,—событіе, при которомъ я имѣлъ незаслуженное счастье присутствовать, несмотря на раздѣлявшія насъ моря, въ тотъ самый часъ, когда оно совершилось.

Пер. Е. П.